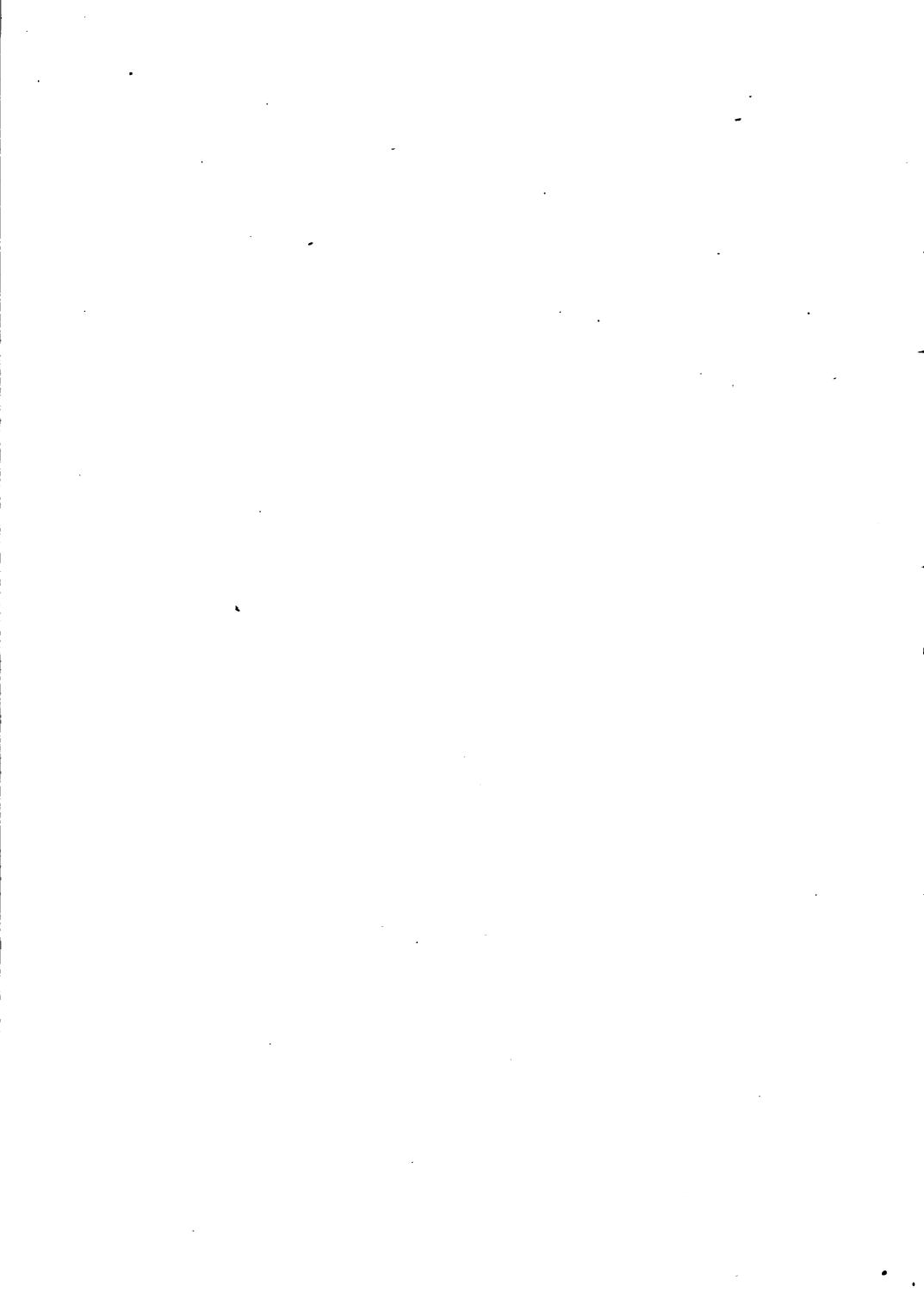

V 501

А. КУЛЖИСЕВІ

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ГІМАЛАЙІ.

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ГИМАЛАЙИ

г-на и г-жи

Верещагиныхъ.

ЧАСТЬ I:

СИКИМЪ.

Съ рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1883

Ind 2028.74.2

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
17 NOV 1924

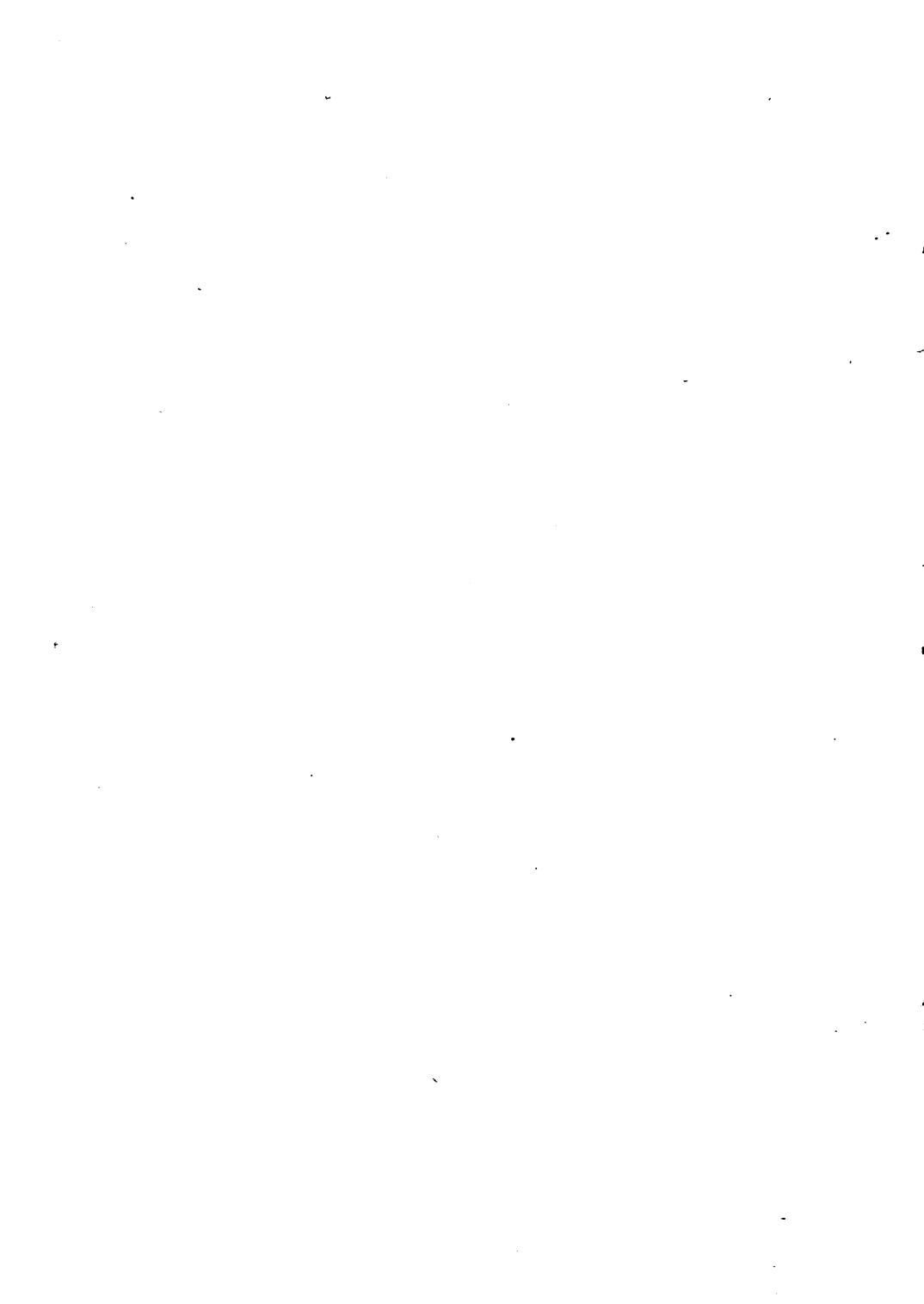

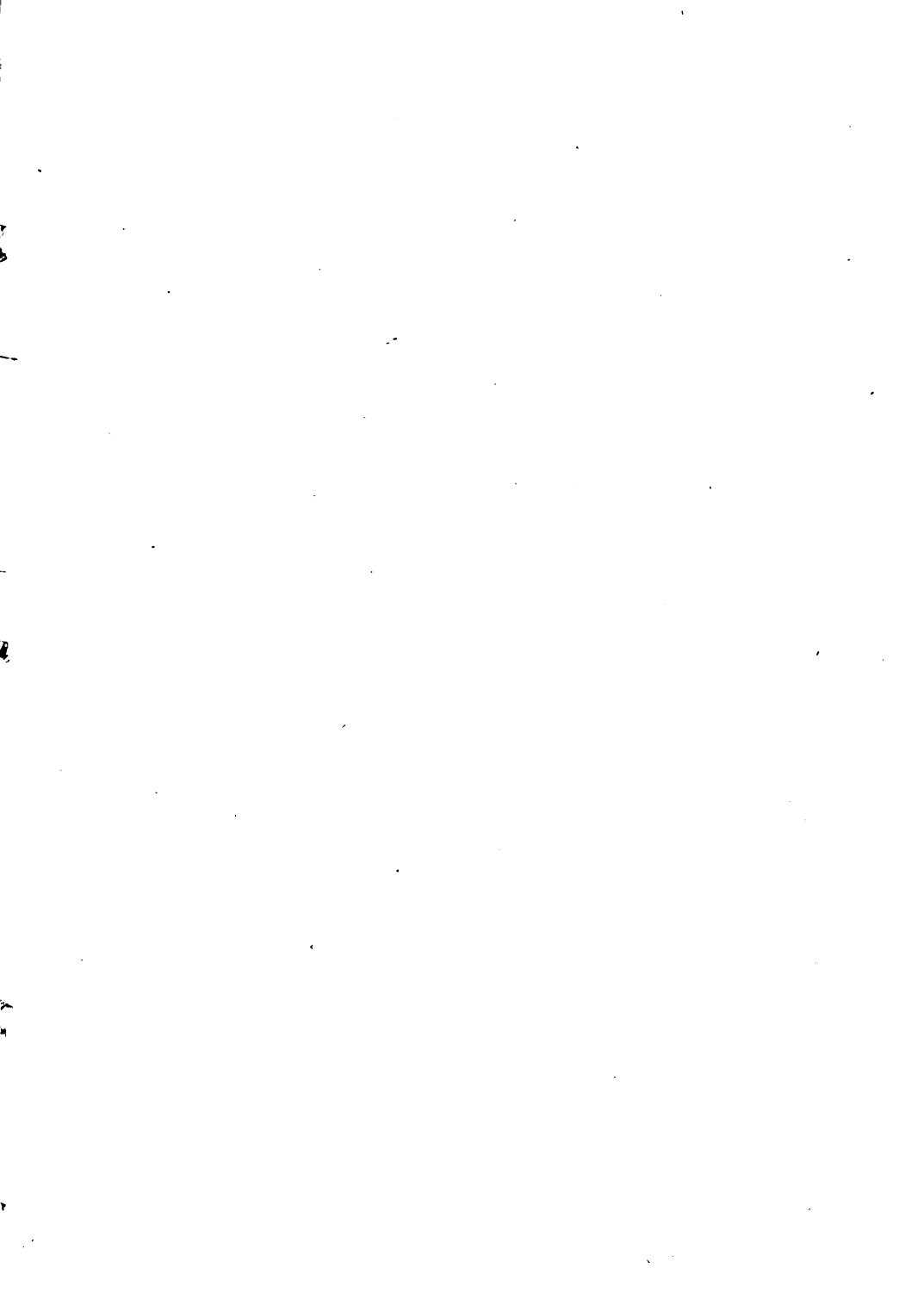
(780)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1883 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Приглашение въ Непалъ. — Пріѣздъ въ Банкіпорь. — Докторъ Симпсонъ. — Пароходъ. — Почтовая Ѣзда. — Первое впечатлѣніе снѣговыхъ горъ. — Пріѣздъ въ Дарджилингъ. — Буддистскій монастырь. — Приготовленіе къ отъѣзду. — Выходъ изъ Дарджилинга.

Огнепоклонникъ.
Съ картины В. В. Верещагина.

Мы получили приглашение от г-на Гердльстона, английского резидента въ Непалѣ, пріѣхать туда, и вотъ изъ Агры мы направились по дорогѣ къ Непальской столицѣ Катманду. Намъ хотѣлось и въ Непалѣ побывать, посмотретьть, порисовать, и слазить на Горизанкаръ или, какъ называютъ въ географіяхъ, Маунтъ Эверестъ—величайшую гору въ свѣтѣ.

* * *

Жаль, сегодня именно славный день: солнца нѣть, не очень жарко, хорошо бы ѿхать въ такой день верхомъ, а вместо того мы сидимъ въ вагонѣ желѣзной дороги.

Вечеромъ пріѣхали въ Аллахабадъ, очень, очень святой городъ индусовъ, святой потому, что здѣсь река Джумна впадаетъ въ Гангъ!

Мимоходомъ можно замѣтить, что вся эта страна богата колодцами и каналами, такъ что жители не могутъ жаловаться на недостатокъ воды.

Нашъ переводчикъ Парси, т.-е. огнепоклонникъ (изъ Бомбея), посланъ былъ съ вещами впередъ до Патны, но, не найдя тамъ Бангало или дома для проѣз-

жающихъ, онъ проѣхалъ дальше до Банкипора. Веци наши везутся въ арбахъ, запряженныхъ волами; люди идутъ при нихъ пѣшкомъ. Сами мы также вышли въ Банкипоръ и покинули преинтереснаго спутника, индѣйскаго принца,ѣхавшаго изъ Алакабада съ церемоніи похоронъ его отца въ священныхъ водахъ Ганга. Теперь онъѣхалъ въ Калькуту, недалеко отъ которой его владѣнія. Хоть этому маленькому тирану было отъ 10 до 12 лѣтъ, но онъ былъ уже женатъ. Сзади, спереди и вокругъ толпилась толпа придворныхъ и слугъ.

* * *

Очень много болотъ въ окрестностяхъ Банкипора; мѣстность здѣсь низкая и жара порядочная.

Базаръ плохонькій и грязненькій; съ трудомъ добудешь, что нужно для себя и лошадей. Дрова отвѣшиваются какъ сахаръ, сѣно ужасное—это пыльные обрѣзки зелени, что пробивается по сторонамъ дорогъ.

Большая часть полей занята производствомъ опіума, которымъ Банкипоръ знаменитъ. Китай получаетъ его отсюда ежегодно не малую дозу.

Здѣсь познакомились мы съ докторомъ Симпсономъ, директоромъ госпитала и тюрьмы, немножко артистомъ по занятію фотографіею. Онъ съ большимъ интересомъ отнесся къ нашему путешествію и чистосердечно посовѣтовалъ неѣздить въ Непалъ, такъ какъ народъ тамъ крайне дикий и подозрительный къ европейцамъ. „Ничего не значить, что васъ пригласилъ Гердльстонъ; онъ

самъ живетъ тамъ скорѣе какъ плѣнникъ, чѣмъ какъ посланникъ. Васъ не только не пустятъ въ снѣговыя горы, но далѣе 10 миль за городъ не дадутъ отойти. Горизанкарь увидите развѣ очень издалека "... Такъ настращалъ насъ Симпсонъ, что, боясь потерять попусту время, мы рѣшили въ самомъ дѣлѣ измѣнить планъ путешествія и, вмѣсто Непала, направиться въ Сиккимъ, въ тамошнія снѣговыя горы. Какъ только люди наши узнали, что мы намѣрены подняться до снѣговъ, такъ одинъ за другимъ начали проситься въ отставку. Огнепоклонникъ первый объявилъ, что онъ получилъ извѣстіе о болѣзни жены своей и поэтому его присутствіе дома крайне необходимо. Такъ какъ счеты его были всегда порядочно дуты, то мы пожалуй и рады были отдатьться и отпустить его къ священнымъ огнямъ.

Но за нимъ стали отирашиваться и носильщикъ и поваръ, старый португалецъ, воръ и мошенникъ первой руки, весьма порядочно готовившій. Этотъ увѣрялъ, что „ночью въ горахъ онъ плохо видить“, почему и онъ не можетъ служить намъ.

Докторъ Симпсонъ просилъ насъ не смущаться; это было къ лучшему, по его словамъ, такъ какъ жалованье, которое мы платили людямъ, было непомѣрно велико.

Жаль намъ было разставаться съ лошадьми, особенно съ лошадью мужа моего Пончемъ, которую купила здѣсь молодая леди за 500 рупій. Вас. Вас. недавно только пріобрѣлъ ее за 800 рупій по случаю отъ уѣзжавшаго на родину офицера. Жаль мнѣ было отпускать и моего старого араба, попавшаго всего за 50 рупій въ руки

извозчика. Но дѣлать было нечего, не было возможности брать большихъ лошадей въ горы, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни корма, къ которому онъ привыкли.

* * *

Докторъ Симпсонъ послалъ телеграму въ Сахибанжъ, по нашему пути, что бы задержать пароходъ, идущій по Гангу, и другую телеграму въ Караголъ, чтобы заготовить почтовыхъ лошадей. Это просто самый любезный изъ всѣхъ докторовъ. Онъ все подробно рассказалъ намъ, какъ мы должны ѿхать, гдѣ останавливаться, что дѣлать, что смотрѣть и т. д. Онъ совсѣмъ заѣхать непремѣнно къ его пріятелю, чайному плантатору, при подошвѣ Гималайевъ. Въ тотъ же вечеръ мы расстались съ нимъ и выѣхали изъ Банкіпора.

На слѣдующій день раннимъ утромъ прїѣхали въ Сахибанжъ, гдѣ пароходъ уже дожидался настѣ. Мы пошли по чудному широкому руслу Ганга. По берегамъ и на островкахъ видно множество крокодиловъ, грѣющіхся на солнцѣ. Они нажираются трупами индусовъ, ежедневно бросаемыхъ въ святую рѣку, что, какъ известно, считается у этого народа вѣрнѣйшимъ способомъ препровожденія душъ въ Рай. Мѣстами видно множество большихъ долговязыхъ птицъ, похожихъ отчасти на аистовъ, отчасти, издали, на людей.

По островкамъ—нескончаемыя массы дикихъ утокъ. Рѣка вверхъ съуживается и очевидно не глубока. Нашъ пароходъ однажды приткнулся на мель.

По обѣимъ сторонамъ берега представляютъ сплошные пустыни; ни деревьевъ, ни травы, только песокъ и песокъ.

* * *

Въ Караголѣ, гдѣ мы вышли, почтовыя лошади были уже готовы; мы напились въ Бангало чаю и, взявши съ собою одного слугу Худавъ-бога и самыя необходимыя вещи, отправились по направлению къ горамъ. Остальные слуги съ тяжелыми вещами следуютъ за нами на волахъ. Лошади мнѣются очень часто; то они летятъ вихреи, такъ что мы опасаемся за жизнь нашу, то, уставши, ложатся, и нѣтъ возможности сдвинуть ихъ съ мѣста.

Мѣстами въ сильныхъ пескахъ запрягали намъ и быковъ.

* * *

Я спала, когда мужъ разбудилъ меня словами: „вонъ горы видны!“ Я выглянула въ окно кареты и глазамъ моимъ не повѣрила: высоко надъ горизонтомъ и синеватою линіею близкихъ горъ, стояли, точно облака, бѣло-розовыя массы снѣга, направо Канчинга, налево Горизанкаръ. Первая на 1000 футовъ ниже второй, но по массѣ льдовъ и снѣговъ несравненно массивнѣе ея.

Дорога все поднимается и поднимается.

Наружность домовъ и жителей измѣняется; дома не такъ низки, какъ въ долинахъ, и лучше крыты соломою.

Люди болѣе монгольского типа, не такъ рослы и

загорѣлы. Мужчины ходятъ въ костюмѣ праотца Адама, женщины имѣютъ тряпочку для прикрытия.

Передъ каждымъ домомъ банановыя деревья. Начинаютъ попадаться густые лѣса.

Мы приѣхали на послѣднюю почтовую станцію, Селигори, вечеромъ, когда заходящее солнце бросало на всю окрестность ярко-розовый свѣтъ. По мѣрѣ наступленія ночи, горы погружались въ темноту; вотъ блестятъ только вершины нѣсколькихъ высотъ, вотъ уже одинъ верхъ Канчинги горитъ чисто краснымъ свѣтомъ, вотъ все потемнѣло—солнце закатилось.

* * *

Мы должны были распорядиться приготовленіемъ къ слѣдующему дню трехъ верховыхъ лошадей, двухъ для насъ и одной для нашихъ вещей.

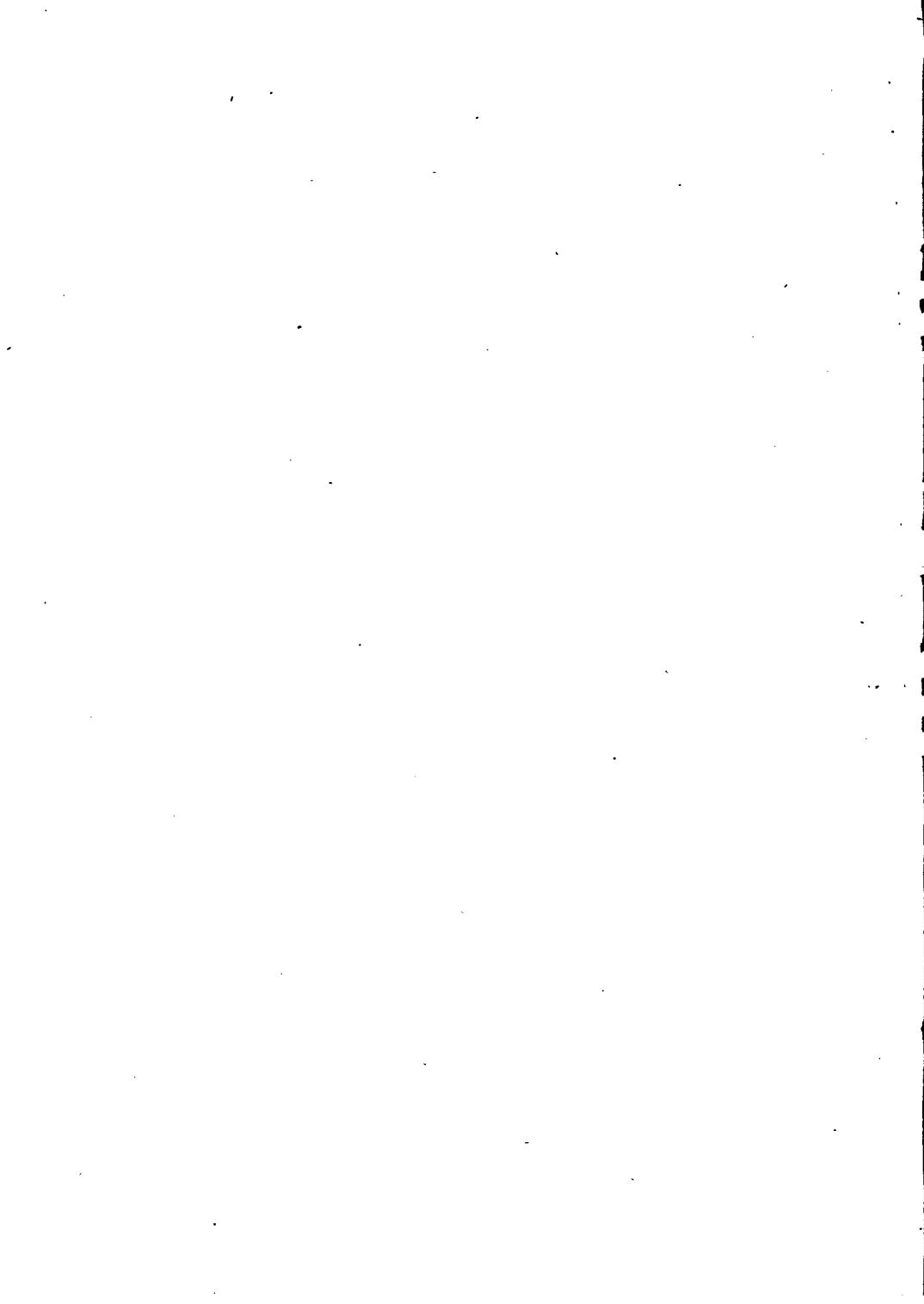
Объ Селигори нечего сказать—это обыкновенная станція, на которой можно выспаться, поѣсть и получить лошадей.

Близость горъ давала себѣ знать; на другой день утромъ, когда мы выѣхали, было порядочно холодно.

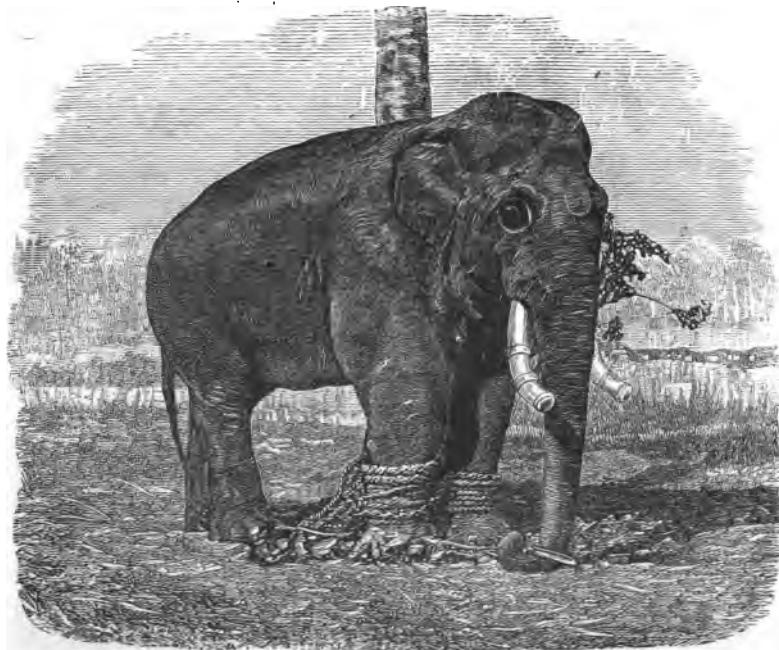
Тераи—лѣсъ, черезъ который мы должны были проѣзжать,—очень дикъ и густъ; въ ближайшихъ окрестностяхъ его до сихъ поръ еще водятся тигры и дикие слоны. Лѣса по направленію Непала еще болѣе дремучіе и считаются лучшими мѣстами охоты за помянутыми звѣрями. Вся окрестность предгорій занята здѣсь чайными плантациями, всюду торчатъ обгорѣлые пни выжженаго подъ плантацией лѣса. Чайные кусты невысоки, круглы,

Людоѣдъ.
Съ картины В. В. Верещагина.

акуратны формою, похожи на розовые, только шиповъ къ счастію нѣтъ.

Слонъ, пойманный въ Тераи.

Рекомендованный намъ Симпсономъ чайный плантаторъ живетъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, и мы рѣшили на этотъ разъ не заѣзжать къ нему, чтобы не терять стоявшую ясную погоду, столь драгоцѣнную въ большихъ горахъ.

Мы остановились въ Панкибари, позавтракали тамъ,

выпили плохого вина, дали вздохнуть нашимъ лошадямъ, или, вѣрнѣе, пони, и къ вечеру прѣѣхали къ станціи Карсіонъ, гдѣ надобно было мѣнять лошадей.

Послѣ перѣѣзда по пыльнымъ, жаркимъ долинамъ чувствуешь несказанное удовольствіе въ горахъ,—не на-глядишься кругомъ и не надышешься. Растительность тутъ роскошна.

Что за удивительное, къ сожалѣнію совершенно вы-сохшее, дерево стоитъ передъ нашимъ Бангalo! Въ на-шихъ мѣстахъ рѣдко удается видѣть такихъ велика-новъ. Недалеко отъ Бангalo есть гостинница для про-ѣзжающихъ, но мы предпочли расположиться бивуакомъ на станціи; благо дровъ не занимать-стать, засвѣтили въ каминѣ ужаснѣйшій огонь, на которомъ состряпали себѣ супъ изъ курицы, и заснули такъ, какъ спать только на высотѣ 7—8,000 футовъ.

На слѣдующій день очень хорошошими шоссе поѣхали мы снова мимо чайныхъ плантанцій, проѣхали большою деревнею съ множествомъ буддистскихъ церквей, первыхъ нами встрѣченныхъ, за которыми открылась картина гималайскихъ снѣговъ.

Конечно, рѣдко въ жизни видишь подобную дикую красоту! Что за массы снѣговъ; краски такъ сильны и свѣжи, что кажется вотъ-вотъ онѣ сейчасъ тутъ за поворотомъ дороги, а между тѣмъ до нихъ огромное раз-стояніе.

Скоро вѣѣхали мы въ городокъ Дарджилингъ, прі-ютившійся на склонѣ горы на всевозможныхъ уступоч-кахъ и приступочкахъ, натуральныхъ и искусственныхъ. Мы остановились въ гостинице Дойля, гдѣ хозяинъ—ма-

ленькій, толстенькій, очень подвижный и любезный человѣчекъ, не упускающей случая округлять цифры счетовъ.

Въ первую же нашу прогулку мы розыскали отличное мѣсто; съ него можно было хорошо видѣть горы и написать нѣсколько этюдовъ; это была площадка, на которой каждый вечеръ собирались англійские леди и джентльмены для игры въ воланы. Видъ отсюда на пѣнь Гималайевъ, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ грандиозныхъ видовъ въ свѣтѣ.

* * *

Туземный городокъ расположень на съверномъ склонѣ горы, еще болѣе крутомъ, такъ что мазанки лѣпятся буквально одна на другой. Тутъ стоитъ буддистскій монастырь, довольно оригинальное, ярко выкрашенное бѣлой и красной краской зданіе съ нависшою соломенною крышею. Онъ окружено высокими шестами съ длинными узкими флагами, сплошь исписанными молитвами. По понятіямъ туземцевъ, вѣтеръ, обвивая флаги, доносить содержимое молитвъ до престола божія. Для той же цѣли устроены молитвенные машины: тутъ вертикально стоящій валъ, на которомъ навернуты тысячи молитвъ, медленно поворачивается вѣрюющимъ, молящимся такимъ образомъ въ нѣсколько тысячъ разъ сильнѣе, чѣмъ если бы онъ дѣлалъ это устами. Говорятъ, далѣе въ горахъ есть молитвенные валы, приводимые въ движение водою; тутъ достаточно приношенія въ храмъ, чтобы сдѣлаться причастнымъ всей безконечной молитвъ машины... Самый храмъ теменъ и фигуры боговъ въ натуральную величину, нѣкоторыя свирѣпыя, нѣкоторыя улыбаю-

щіяся, должны дѣлать впечатлѣніе на простодушныхъ поклонниковъ.

Лама, почтенный старичекъ, толкался около разныхъ домашнихъ дѣлъ, не выпуская изъ рукъ маленькой молитвенной машинки, которую вертѣлъ, приговаривал: „Омъ мани падме хумъ! Омъ мани падме хумъ“ и т. д. Когда мужъ написалъ этюдъ храма, онъ сказалъ Ламѣ: Постойте немного, я напишу васъ! — Хорошо, давай одинъ рупи.—Сначала постойте, потомъ я дамъ. — Нѣтъ сейчасъ давай, а то не буду стоять.—Взявши рупію, старикъ честно выстоялъ, пока фигурка его не была кончена.

Дома туземцевъ большею частью грязны, бѣдны и, какъ я сказала, очень скучены по причинѣ крутизны горы. Туземцы небольшого роста, чисто монгольского типа. Василій Васильевичъ говорилъ мнѣ, что сходство ихъ съ калмыками поразительно. Женщины по нашимъ понятіямъ некрасивы; замужнія, какъ въ Китаѣ, зачесываютъ свои роскошные волосы на вѣрхъ головы, дѣвицы носятъ ихъ длинными косами. Черные, какъ смоль, волосы онѣ сильно смазываютъ свинымъ саломъ и кокетливо закалываютъ въ нихъ цвѣты. Красавицы вымазываютъ себѣ еще щеки краснымъ сокомъ какого-то плода, но такъ грубо, что красивѣе отъ этого не дѣлаются, по крайней мѣрѣ на европейскій взглядъ.

Тому, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ южнаго климата, трудно себѣ представить эффекты солнечнаго свѣта въ этихъ мѣстахъ.

Вас. Вас. пошелъ разъ подъ вечеръ, чтобы сдѣлать этюдъ горъ при закатѣ солнца. Онъ приготовилъ уже палитру, но видѣлъ былъ до того хорошъ, что ему хотѣлось сначала посмотреть: на нѣсколько тысячъ футъ подъ нами, и на десятки миль впередъ, разстидались горы въ темно голубой тѣни, тогда какъ вся цѣпь снѣговъ блестѣла пурпурнымъ свѣтомъ. Онъ все откладывалъ начинать писать. „Сейчасъ, сейчасъ, вѣдь это просто удивительно, вотъ еще немножко посмотрю, а потомъ начну“. Въ концѣ концовъ онъ откладывалъ такъ до самаго вечера, пока солнце не закатилось и вся окрестность не потемнѣла; онъ сложилъ тогда свой ящикъ съ красками, и мы отправились до дому.

* * *

Никакъ не ожидали мы, чтобы здѣсь было до такой степени холодно, и такъ какъ не взяли съ собою ничего теплago, то и пришлось запасаться всѣмъ съизнова здѣсь; страшаетъ —далъе въ горахъ будетъ и очень холодно.

* * *

Буддисты спокойный, добрый народъ, весьма гостепріимный, безъ тѣни той замкнутости, которая отличаетъ брахмановъ. Мы ходили везде совершенно свободно и, какъ я сказала, мужъ мой рисовалъ храмъ, и снутри, и снаружи.

Обыкновенно, пока Вас. Вас. рисовалъ около храма, женщины ткали материю, а мужчины ничего не дѣлали, если не считать работою безпрерывное поворачивание ручной молельной машинки. Шуму и сплетенья, разумѣется, бывало не мало; женщины прерывали иногда

свои занятія и отправлялись въ уголокъ, гдѣ, воображая, что ихъ никто не видитъ, очень и очень раздѣвались для охоты за наѣкомыми.

Одежда туземцевъ проста и удобна: кусокъ материю, застегнутый на груди,—вмѣсто рубашки, и затѣмъ у женщинъ халать изъ теплой домотканной материю сапоги войлочные. У женщинъ на груди, разумѣется, украшения;

Юноша изъ Сиккима.

у мужчинъ кошелекъ, огниво, ножикъ и проч. при поясѣ. Нѣкоторые женщины, въ особенности Непальскія, носятъ на головахъ свернутые платки на манеръ итальянокъ. Костюмъ Непальскихъ женщинъ отличенъ въ особенности черною плотно прилегающею къ тѣлу кофтою и огромнымъ золотымъ кольцомъ въ носу.

Надобно замѣтить, что здѣшнія женщины не столь любятъ всевозможныя мишурные украшенія изъ мыди, фольги, фальшивыхъ перловъ и т. п., до которыхъ такъ падки ихъ сестры Пиринейскихъ долинъ. Онѣ носятъ толь-

ко золотыя и серебряныя вещи съ украшениями изъ бирюзы, сердолика и въ особенности янтаря—этотъ послѣдній въ большомъ почетѣ у нихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей намъ удалось купить, разумѣется, по высокой цѣнѣ, такъ какъ всякий продающій хочетъ получить не только настоящую цѣну вещи, но и стоимость ея, какъ памяти, наследованной отъ отца, дѣда, прадѣда. Напримѣрь, туземцы носятъ талисманы, или защитные въ одежду, или заключенные въ серебряныхъ ящикахъ довольно искусной и оригинальной мѣстной работы. Вещи эти передаются обыкновенно изъ рода въ родъ; и можно себѣ представить, сколько надобно набавлять цѣну, чтобы заставить браваго горца разстаться съ такою святостью.

Женщина изъ Сиккима.

* * *

Гостинница наша, хотя лучшая въ Дарджилингѣ, не очень-то удобна: топить комнаты нельзя, такъ какъ камни дымятъ; кушанье плохо, поэтому праздники Рождества мы провели не совсѣмъ удобно; за то утѣшились тѣмъ, что хозяинъ нашъ прекрасный человѣкъ. Долго жить здѣсь было бы непріятно.

* * *

Такъ какъ мы собирались отправиться внутрь страны, въ независимый Сиккимъ, то мужъ сдѣлалъ визитъ представителю Сиккимскаго короля.—Давно ли вы выѣхали изъ Англіи?—спросилъ его толстый резидентъ.—Уже годъ.

— Какъ здоровы королевы?

— Она здорова.

— А министры.

— И они здоровы.

— Когда ёдетъ въ Англію Жангъ Бахадуръ?

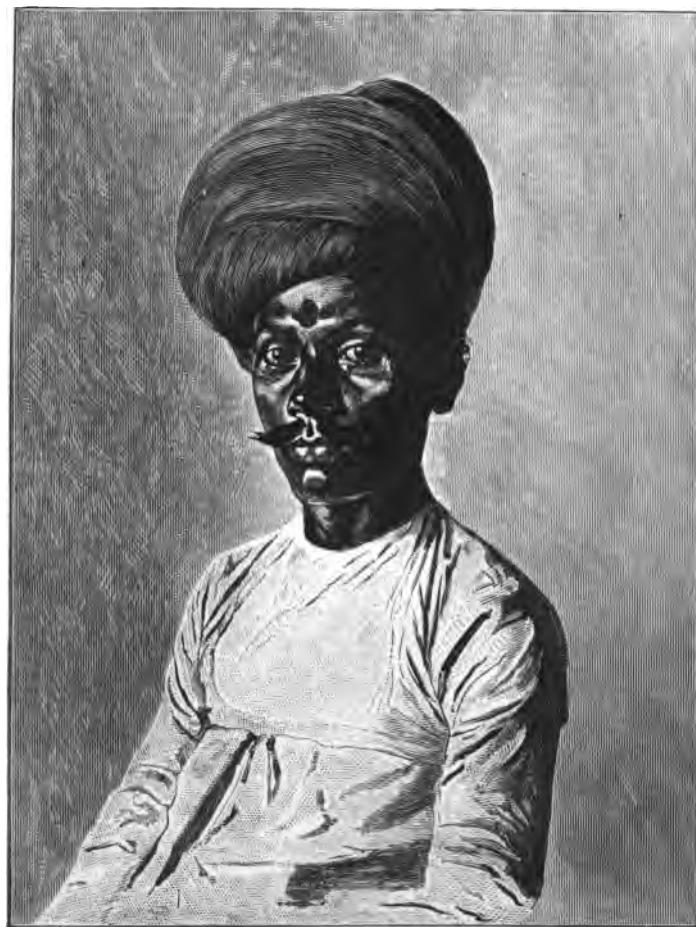
— Жангъ Бахадуръ болѣнъ! Это былъ первый министръ короля Непала. Правительство Сиккима побаивалось, можетъ быть не безъ основанія, что Непальцы ищутъ случая захватить ихъ маленькое королевство и что Жангъ Бахадуръ собирался ёхать въ Англію для того, чтобы выхлопотать согласіе на это Англійскаго правительства. Мы заручились обѣщаніемъ этого чиновника послать рекомендациі намъ во всѣ мѣста, гдѣ мы будемъ.

* * *

Здѣшній старшій Англійскій чиновникъ, Deputy Commissioner Едгаръ, чрезвычайно любезный человѣкъ, принялъ большое участіе въ нашихъ планахъ относительно путешествія въ горы. Онъ обѣщалъ намъ хорошаго переводчика, служившаго прежде у одного изъ міссіонеровъ и недавно просившаго у него занятія.

* * *

Ваня (торговецъ).
Съ картины В. В. Верещагина.

Мы дали 100 рушай, чтобы сдѣлали намъ небольшую палатку изъ грубой, теплой, шерстяной матеріи. Небольшая она должна была быть для того, чтобы было теплѣе въ ней, а также для того, чтобы можно было уставлять ее вездѣ въ горахъ, не богатыхъ ровными мѣстами. Не такъ-то скоро удалось, однако, получить эту палатку. Человѣкъ, который долженъ былъ на-брать намъ кули, т.-е. носильщиковъ для переноски въ горахъ нашихъ вещей, взявши наши 100 рушай на матерію и работу, отправился хлопотать, но оказался скоро въ такомъ непозволительно пьяномъ видѣ, что мы должны были отнять у него деньги. Онъ увѣрялъ, впрочемъ, что это одно недоразумѣніе, такъ какъ, кромѣ чая, онъ никогда ничего не пьетъ,—но, вѣроятно, чай крѣпкій.

* * *

Базарь въ Дарджилингѣ не представляетъ ничего особенного, характерного, противъ индѣйскихъ; продавцы по бóльшей части тѣ же индѣйцы Банни — члены касты, которая боится, какъ величайшаго грѣха, умерщвленія какого либо животнаго отъ слона до блохи включительно, но въ торговлѣ безъ зазрѣнія совѣсти обмѣривающая и обвѣшивающая.

* * *

Наконецъ мы нашли настоящаго сирдаря, т.-е. предводителя носильщиковъ, по имени Тинли, хорошо знающаго горы, того самаго, о которомъ говорилъ намъ еще

докторъ Симпсонъ. Это Бутіа, со щелками вмѣсто глазъ, плоскимъ носомъ, широкими скулами и предлинной ко-
сой, однимъ словомъ настоящій монголъ. Онъ нанияль
для наась 25 носильщиковъ, по 13 рупій въ мѣсяцъ
каждому. Себѣ назначилъ 35 рупій. Обыкновенно пла-
тить менѣе, но тогда кормятъ ихъ. Мы же рѣшили,
что намъ удобнѣе заплатить больше и предоставить имъ
питаться, какъ и чѣмъ имъ угодно.

Наконецъ 28 декабря (1874), въ 2 часа, кули подняли
наши вещи и выступили за нами изъ Дарджилинга.

Для начала встрѣтили мы свадебную процессію съ
музыкою и танцами.

Въ этотъ день переходъ былъ небольшой, не болѣе
3-хъ миль, и все подъ гору; уже поздно вечеромъ поста-
вили палатку на самомъ берегу шумной и быстрой рѣки
Рангитъ.

Въ эту первую остановку все было у наась въ вели-
чайшемъ беспорядкѣ.

Въ добавокъ, одинъ изъ молодыхъ носильщиковъ вы-
вихнулъ себѣ ногу.

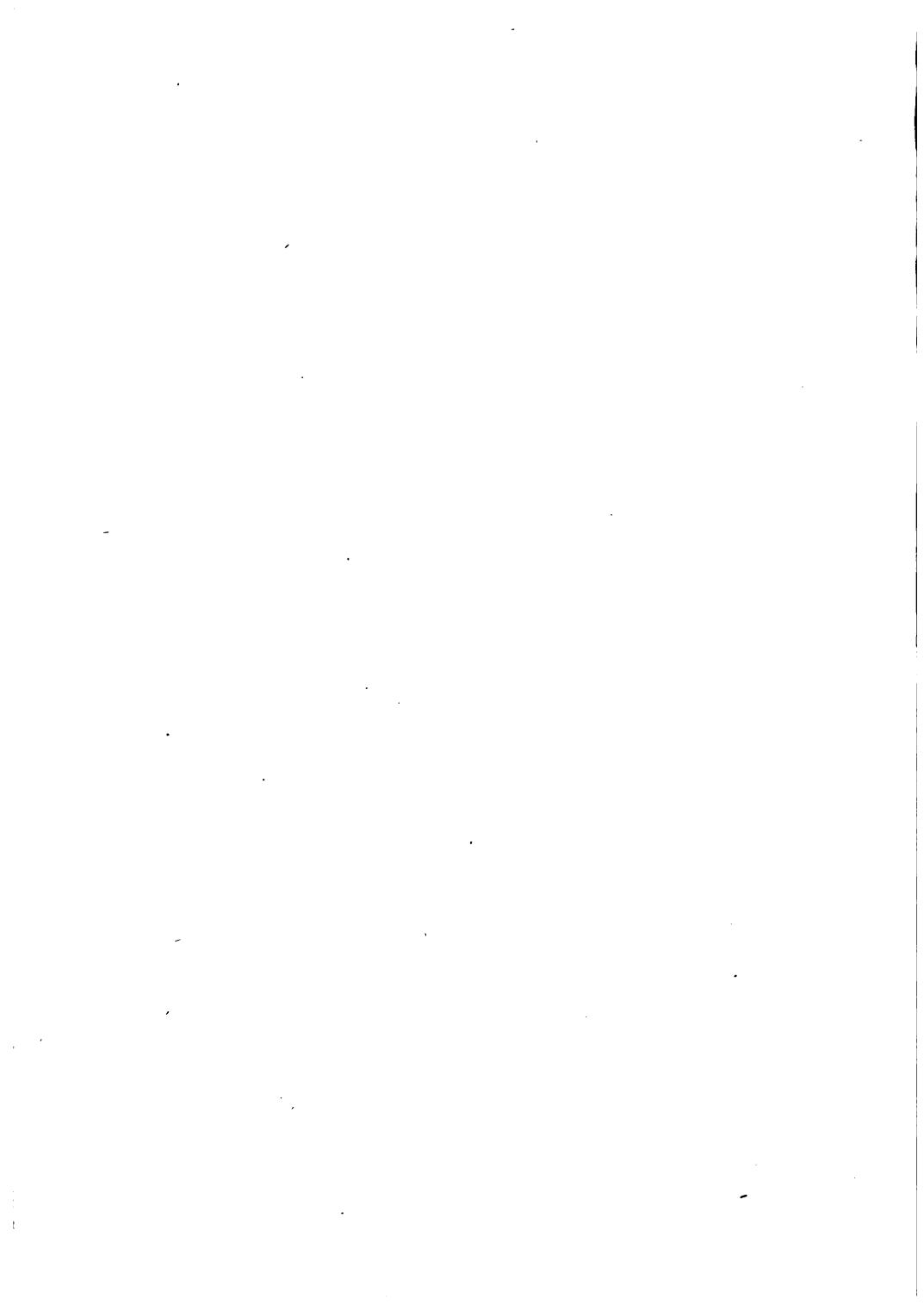
Длинные ножи, постоянно носимые туземцами при
поясѣ, съ первого же разу зарекомендовали себя съ хо-
рошой стороны: въ нѣсколько минутъ были нарублены
дрова для наась и навѣсь для кули. Подъ шумъ и ревъ
горной рѣки мы заснули сладчайшимъ сномъ.

* * *

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лоди. Миссионеръ.—Въ Гималайяхъ.—Пемиончи.—Яксунъ.—
Восхожденіе на Канчингу.—Какъ носильщики нась покинули.
—Медленное замерзаніе. Спасеніе.—Джонгри.—Розысканная
дорожная сумка.—Добди.—Лама.—Нашъ Чалрасси или посыль-
ный.—Монастырь Чангачелингъ.—Опять нашъ Чалрасси.—
Письмо короля.—Праздникъ въ Пемиончи.—Танцы и пантомимы.

— ◆ —

Здѣсь нагналъ насъ посланный Едгаромъ переводчикъ, родомъ Лепча, о которомъ мы уже поминали выше и котораго сомнѣвались получить наконецъ. Молодой человѣкъ одѣтъ по-европейски, но монголъ лицомъ и цвѣтомъ кожи.

— У кого вы прежде служили? — спросилъ его мой мужъ.

— У пастора Петчъ, здѣшняго миссіонера.

— Сколько въ мѣсяцъ вы получали?

— Двадцать рупій.

— Чѣмъ вы у него занимались?

— Я проповѣдовалъ Евангеліе.

— Почему же вы оставили это мѣсто?

— Работа эта мнѣ не нравится.

— Что же, тяжела эта работа?

— Нѣть-съ, не тяжела, только мнѣ не нравится.

Тутъ онъ объяснилъ, въ чемъ состояли его прежнія занятія.

Достоинчііи миссіонеръ, получающій большое содержаніе, проповѣдовалъ преимущественно по буддистскимъ монастырямъ, гдѣ по ночамъ собиралъ для этого монаховъ. Монахи исполняли приказаніе англійскаго саиба (господина), являлись въ назначенное время,

терпѣливо выслушивали основанія и доводы проповѣдника, но креститься въ христіанскую вѣру отказывались.

За 15 лѣтъ было всего 5 — 6 случаевъ крещенія и то болѣею частью сиротъ, дѣтей, какимъ, напр., былъ онъ, переводчикъ. Вѣроятно, эта неудача, болѣе чѣмъ трудность дѣла, отбила у молодого человѣка охоту продолжать его. Къ тому же, когда онъ бесѣдовалъ со своими соотечественниками въ отсутствіе пастора, они безцеремонно упрекали его за отступничество отъ вѣры отцевъ. Такъ или иначе, онъ нанялся къ намъ въ переводчики за 30 рупій въ мѣсяцъ. Василій Васильевичъ обѣщалъ ему оставить его согражданъ вѣрить, въ кого и какъ они хотятъ, но за то болтать съ ними и рисовать ихъ.

Чтобы поскорѣе догнать насъ, Лоди не захватилъ съ собою ничего изъ своихъ вещей, такъ что мы приуждены были отпустить его назадъ, взять, что нужно, для себя и, кромѣ того, купить для насъ на базарѣ разной провизіи и барановъ, такъ какъ мясо доставать по дорогѣ трудно.

* * *

Мы замѣшались немного на слѣдующее утро и выступили, когда солнце было уже высоко. Дорога, которую намъ хвалили, была скорѣе козья тропа, чѣмъ путь для лошадей. На рѣкѣ, гдѣ останавливались отдохнуть, мы купили форелей.

Дорога дѣлалась все хуже и хуже, наконецъ мы совсѣмъ потеряли ее изъ виду и кое-какъ добрались до

деревушки въ нѣсколько домовъ, гдѣ и поставили палатку.

На бѣду, при установкѣ палатки, разворотили лежавшее старое дерево, въ которомъ была главная квартира огромныхъ пауковъ, въ отместку за это цѣлую ночь пользовавшихъ по насть и не дававшихъ намъ спать.

Здѣсь кругомъ много краснаго дерева, невысокаго сорта, изъ которого дѣлаютъ чайные ящики и потомъ въ Европѣ употребляютъ ихъ на разныя подѣлки.

Изъ двухъ племенъ, населяющихъ Сиккимъ,—Бутіа и Лепча,—здѣсь преимущественно первое.

Лѣсовъ очень много по окрестности, и лѣсовъ пре- восходныхъ.

Я возбуждала большое любопытство, такъ какъ до сихъ порь ни одна европейская женщина не проѣзжала этими мѣстами.

Съ трудомъ мы пріобрѣли курицу, изъ которой вмѣстѣ съ консервами благодѣтеля Блаквеля, купленными у Дойля, мы состряпали себѣ отличный ужинъ.

Василій Васильевичъ и не разсчитывалъ встрѣтить много дичины, но тутъ уже положительно ничего не попадалось, такъ что заряды въ ружью грозили заплѣснѣть.

* * *

По дорогѣ встрѣчали мы длинныя, широкія стѣнки изъ простыхъ камней, съ выбитыми на нихъ надписями священной формулы буддистовъ: „омъ мани падме хумъ“. На нѣкоторыхъ камняхъ, стоявшихъ на этихъ

стѣнахъ, были выбиты фигуры божества и святыхъ, сходныя во многомъ съ изображеніями на древне-византийскихъ образахъ.

* * *

Мосты здѣсь совершенно своеобразные: 2 бамбуковые ствола, рядышкомъ положенные,—воть и весь мостъ.

Какъ идешь по такому мосту, онъ весь качается и прыгаетъ подъ ногами. Счастливъ въ такомъ случаѣ тотъ, кто не забылъ уроки гимнастики.

На слѣдующій день мы были уже недалеко отъ монастыря Пемончи.

Мы проходили мимо гигантскихъ деревьевъ.

На послѣднемъ ночлегѣ пришлось убить мирную курицу, чтобы не остатся голодными. Почтенная хозяйка покойной птицы страшно перепугалась и едва согласилась взять слѣдующія ей деньги—что же было дѣлать!

На другой остановкѣ въ-время подаренные ножницы дали возможность достать, что было нужно, безъ насилия

* * *

Когда мы еще разъ поднялись на гору, вся масса снѣговъ явилась передъ нами, да такъ близко! Налѣво показался монастырь. На здѣшнемъ прозрачномъ воздухѣ все это стояло совсѣмъ передъ нами, а между тѣмъ и до Пемончи было еще нѣсколько миль; до снѣговъ же и подавно было очень далеко.

Подъемъ къ монастырю былъ очень труденъ. На одномъ изъ поворотовъ я чуть-чуть не полетѣла съ лошадью въ пропасть. Пони мой оступился на холмѣ, и глупый саисъ (конюхъ) такъ крѣпко дернулъ его, что онъ перепугался и попятился въ сторону отъ дороги; заднія ноги его скользнули внизъ; я закричала и почти выпустила изъ рукъ поводья, когда на счастье одинъ изъ носильщиковъ успѣлъ подбѣжать и спасти меня.

Послѣ этого случая я была уже менѣе безстрашна, а то прежде люди удивлялись, какъ я не боялась карабкаться по кручамъ и камнямъ на моей, правду сказать, прекрасной бѣлой лошадкѣ.

У Василія Васильевича былъ рыжій пони, покойнѣе, но слабѣе моего; обоихъ мы купили въ Дарджилингѣ, по 90 рупій каждаго. Мы рѣшили оставить гдѣ-нибудь около монастыря нашихъ лошадей и идти далѣе пѣшкомъ, какъ намъ и слѣдовало давно уже, — дороги были проходимы только для пѣшеходовъ. Мы дошли до Пеміончи, а кули наши, вѣроятно, чтобы не баловать настѣ, остались на полпути, назади.

* * *

Монастырь Пеміончи не очень давно выгорѣлъ и теперь отстроенъ заново; постройка, можетъ быть, также хороша, какъ и прежде, но живопись, замѣняющая ста-
рую, на входномъ портикѣ и внутри — ужасная.

Монахи приняли насъ не очень-то радушно, но не мѣшали все осматривать; однако посматривали недовѣрчиво, и только одинъ изъ нихъ поклонился намъ. Внут-

ренность монастыря ничѣмъ особеннымъ не отличается; она порядочно велика и убрана по-зѣшнему не дурно, съ тѣмъ же отсутствиемъ вкуса, что видно по фрескамъ. Такъ какъ это не только самый старый монастырь, но и самый старшій іерархически, то въ немъ множество монаховъ и семинаристовъ. Присутствовавшіе изъ этой companiи въ храмѣ, при нашемъ посѣщеніи, подтрунивали, кажется, надъ нами, вѣроятно главнымъ образомъ надъ моимъ длиннымъ платьемъ.

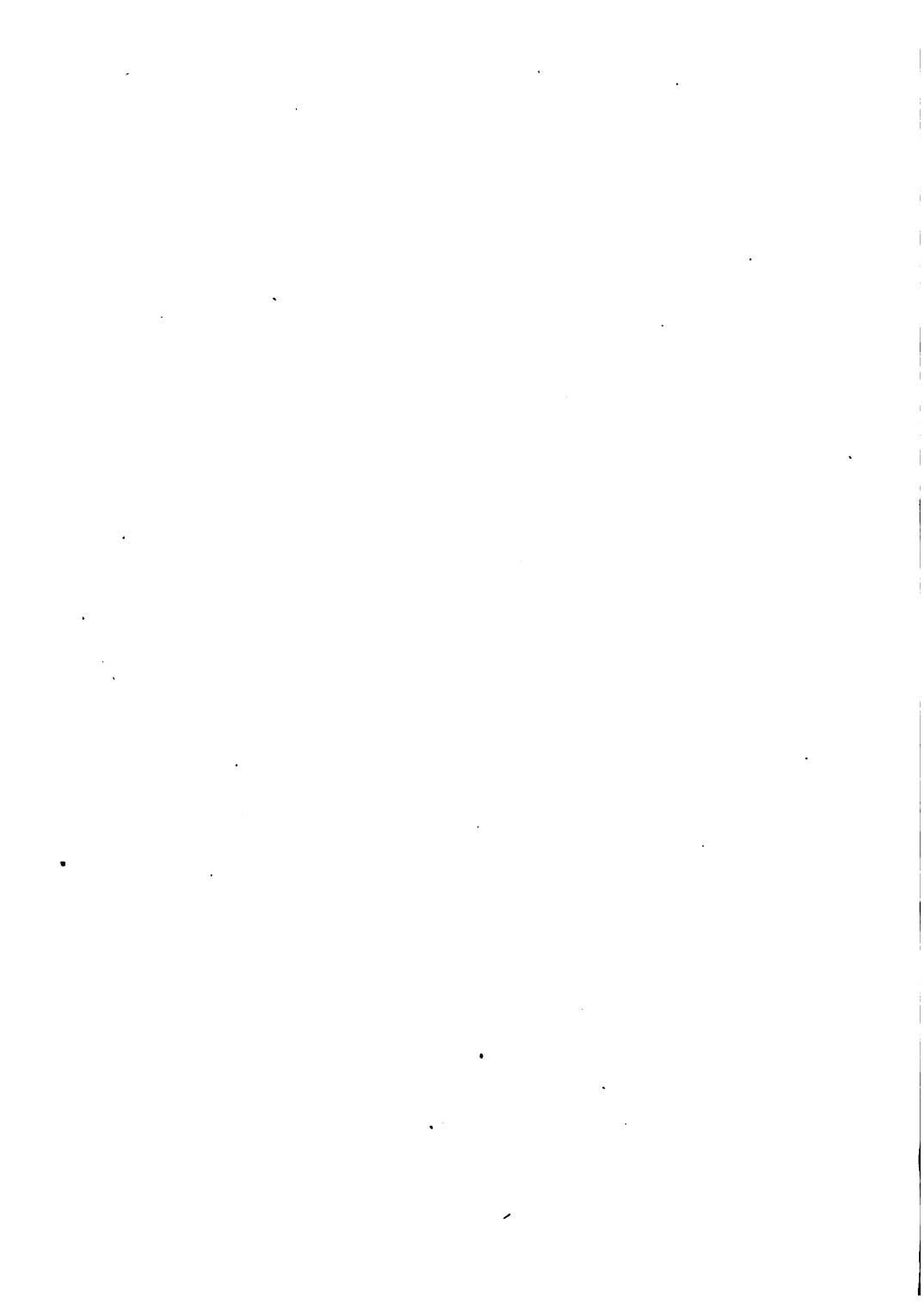
Ожидали, ожидали мы нашихъ кули, но очевидно они не намѣрены были сегодня дойти до насъ. Пришлось приготовиться провести холодную ночь подъ открытымъ небомъ, при кострѣ. Монахи посыпали звать насъ въ монастырь, но, по правдѣ сказать, мы боялись насѣко-мыхъ, не столько прыгающихъ, сколько ползающихъ. Какой-то сердобольный лама прислалъ намъ чаю или, лучше сказать, чайного супа и мурварѣ; здѣсь употребляется только кирпичный чай съ масломъ, молокомъ и солью. Мурварѣ—роль пива изъ проса, которое пьютъ че-резъ камышинку. Мы подложили сѣдла подъ головы и кое-какъ провели эту ночь, въ продолженіе которой, отъ близости огня вѣроятно, наши лица совсѣмъ вспухли.

Носильщики, ни-мало не торопясь, явились на слѣ-дующій день послѣ полудня. Самыхъ слабыхъ изъ нихъ мы отослали домой, такъ какъ часть нашихъ вещей оставили въ монастырѣ, до нашего возврата изъ горъ.

По всей окрестности здѣсь нечего было стрѣлять, при-шлось все покупать. За все, что приносили намъ, требовали непомѣрные цѣны, такъ что мы покупали лишь самое необходимое и питались главнымъ образомъ консервами.

Внутренность буддистского монастыря.
Съ картины В. В. Верещагина.

Дороговизной этой мы обязаны были главнымъ образомъ нашимъ кули, научавшимъ братъ съ насъ дороже, чтобы самимъ получать дешевле; должно быть, у насъ было слишкомъ много денегъ по ихъ мнѣнію.

* * *

Отъ Пемончи до рѣки спустились мы еще на нашихъ пони. Тамъ оставили ихъ съ однимъ изъ конюховъ и отправились дальше пѣшкомъ. Сначала это было трудновато, такъ какъ долинъ въ горахъ здѣсь вовсе нѣтъ, за каждымъ спускомъ слѣдуетъ сейчасъ же новый подъемъ; это общий характеръ Гималайевъ, въ здѣшнихъ и въ сосѣднихъ мѣстахъ.

Послѣ еще одного привала мы добрались до деревни Яксунъ, откуда начинается настоящій подъемъ на гору Канчингу.

На-право отъ деревни, на высотѣ—монастырь Добди, который мы собираемся посѣтить на возвратномъ пути.

Отсюда дорога, особенно отъ водопада, дѣлается все труднѣе и труднѣе.

Домовъ далѣѣ уже нѣтъ, такъ какъ Яксунъ послѣднее жилье. Только пастухи со стадами барановъ поднимаются на гору въ лѣтнее время. Въ сильные жары они добираются до Джонгри, прохладныхъ въ это время года открытыхъ мѣсть, гдѣ построена маленькая пастушья хижина. Эти-то мѣста и были цѣлью нашего теперешняго путешествія. Василій Васильевичъ хотѣлъ не-

премѣнно написать этюды высочайшихъ горъ, крытыхъ не старымъ снѣгомъ, желтоватымъ и грязноватымъ, а новымъ, недавно выпавшимъ, во всей его ослѣпительной бѣлизнѣ.

Еще въ Дарджилингѣ нась предупредили въ это время года (въ январѣ) на Джонгри не подниматься, такъ какъ помянутая избушка иногда въ одну ночь заносится снѣгомъ на 20 футъ высоты. Около 30 лѣть тому назадъ поднимался туда въ это же время года знаменитый англійскій ученый Гукеръ. Наши новые знакомые въ Дарджилингѣ сомнѣвались, что намъ удастся повторить то же.

Наканунѣ отѣзда изъ гостиницы собралось въ столовой залѣ нѣсколько любезныхъ англичанъ: чайный плантаторъ, другъ и компаньонъ Симпсона, очень милый человѣкъ, здѣшній королевскій инженеръ, маоръ Джаджъ, съ чисто родственнымъ участіемъ помогавшій намъ въ нашихъ приготовленіяхъ, и нѣкоторые другіе. Они послали сказать мужу моему, что просятъ его придти къ нимъ поговорить. „Мы слышали, стала говорить плантаторъ, что вы собираетесь въ Джонгри, и считаемъ нашею обязанностью предупредить васъ, что въ такое время года это страшно рисковано“. Послѣ нѣкотораго спора, В. В. сослался на примѣръ Гукера. „Это правда, отвѣчали ему, но Гукеръ едва ушелъ оттуда, онъ немного, немного не былъ тамъ засыпанъ снѣгомъ. Мы настоятельно просимъ васъ отложить это намѣреніе“. Василий Васильевичъ поблагодарилъ ихъ за участіе, но сказалъ, что хочетъ непремѣнно быть на этихъ высотахъ.— Въ такомъ случаѣ не берите съ собою, по крайней мѣрѣ,

жену вашу!—Не думаю, чтобы она осталась,—вѣроятно, она пойдетъ со мною...

Носильщики наши однако, кажется, не очень-то входили въ наши намѣренія любоваться высотами и рисовать ихъ, они явно показывали свое нерасположеніе и двигались туда.

Отъ помянутаго водопада дорога сдѣлалась такъ дурна, что передніе должны были втаскивать слѣдовавшихъ за ними—веревками.

Удивительно, какъ могутъ проходить здѣсь одинокіе пѣшеходы, когда тропинки, ведущія въ Непалъ, совершенно заносятся снѣгомъ; впрочемъ, кажется, действительно въ продолженіе нѣкотораго времени сообщеніе совершенно прекращается.

Мы поднялись за первый переходъ до 11,000 фут. и расположились подъ огромнымъ деревомъ, на слоѣ сухихъ листьевъ съ него, покрывавшемъ землю.

Множество комаровъ встрѣтило насъ здѣсь и еще болѣе клещей, уберечься отъ которыхъ не было возможности. Клещи эти всасывались въ тѣло, такъ что ихъ трудно было отдирать.

Ночью выпало не мало снѣга, но болѣе не случилось ничего особенного, если не считать ссоры двухъ нашихъ людей, изъ которыхъ одинъ, низшей касты, наступилъ на ногу другого высшей касты. Мнѣ пришлось судить и мирить ихъ.

На переходѣ отсюда случилось слѣдующее. Мужъ мой, услыхавши, что въ сторонѣ отъ дороги кудахтаетъ дикая курочка, пошелъ съ ружьемъ. Я осталась ожидать на дорогѣ. Когда мы снова тронулись, я замѣтила,

что оставила на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла, мою дорожную сумку. Мы воротились, но сумки уже не было. Мы остановили всѣхъ носильщиковъ и объявили имъ, что между ними должна быть воръ.

Спрашивали: не нашелъ-ли кто? Никто ничего не видѣлъ и не бралъ. Тогда Тинли сказалъ намъ, что онъ постараится найти деньги, но съ условиемъ, что если онъ найдетъ, то мы не будемъ добиваться узнавать имя вора. Мы согласились, и на томъ дѣло показали мѣстъ и порѣшили. По правдѣ сказать, мы подозрѣвали крѣпко одного кули, шедшаго впереди всѣхъ и теперь почему-то вышедшаго намъ на-встрѣчу изъ лѣса, но, чтобы не нарушить условія, мы промолчали.

Снѣгу выпало столько, что пришлось надѣть наши тяжелые, длинные сапоги. Что далѣе, то пустыннѣе и молчаливѣе становилось кругомъ и тѣмъ глубже лежалъ снѣгъ. Мѣстами его было уже по колѣно.

Съ нами былъ только охотникъ, таскавшій ружье, и кули Карсынъ, несшій ящикъ съ красками; всѣ остальные остались порядочно далеко назади. Мы скользили и падали такъ часто, что уже не помогала палка, за которую тащилъ меня охотникъ, тогда опѣ взялъ и потащилъ меня за руку.

Интересны были слѣды дикаго яка, попавшіеся на дорогѣ; они были такъ свѣжи, что, очевидно, животное только что передъ нами перешло дорогу, такъ и видно было, гдѣ тащился по снѣгу тяжелый пушистый хвостъ.

Мы вышли на открытое мѣсто Маунтъ-Лепча. Печаленъ былъ нашъ отдыхъ здѣсь. Нечего ни поѣсть, ни попить. Немного хересу, что было у Василія Васильевича въ карманной фляжкѣ, смышаннаго со снѣгомъ, нѣсколько утолило жажду, но голодъ давалъ себя чувствовать. Мы всѣ поочередно часто кричали, стрѣляли изъ ружья и пистолета, чтобы поторопить кули.

Ни отвѣта, ни привѣта. Намъ оставалось выбирать одно изъ двухъ: или воротиться къ носильщикамъ, или дойти до хижины, бывшей уже недалеко отъ насъ, по словамъ нашего охотника, бывавшаго уже здѣсь лѣтомъ. Разумѣется, мы выбрали послѣднее. Снова охотникъ взялъ меня за руку и мы поплелись по глубокому снѣгу. Скоро Василій Васильевичъ выбился изъ силъ и объявилъ, что дальше онъ не можетъ идти. Мы были на высотѣ 14,000 футовъ.

Спички наши отсырѣли и не горѣли, но такъ какъ огня надоѣно было добыть, во что бы то ни стало, то охотникъ нашъ выстрѣлилъ, на близкомъ разстояніи, въ тряпку, которая и задымилась. Кули наши раздули огонь и скоро запылалъ у насъ славный костеръ. Отдохнувши и обогрѣвшись, мы рѣшили идти дальше къ хижинѣ. Пошли по сплошному льду, покрытому снѣгомъ, скользили и падали, снова шли, пока я не упала въ обморокъ; мужъ говорилъ мнѣ послѣ, что я посинѣла таѣ, что онъ думалъ, конецъ мой пришелъ.

Снова мы воротились къ огню и послали охотника поторопить кули или, по крайней мѣрѣ, принести одѣяло и ящикъ съ провизіей. Онъ обѣщалъ все это исполнить, ушелъ—и пропалъ. Положеніе наше дѣжалось кри-

тическимъ, холодъ былъ сильный; одежда на насъ, съ одной стороны, дымилась отъ жару, въ то время какъ съ другой—на ней наростало льда на 2 пальца толщины. Карсынь далъ намъ свой плащъ, но такой легкий, что пользы отъ него было мало. Морозъ все усиливался. Въ сторонѣ лежалъ ящикъ съ красками.

Холодъ дѣгался нестерпимымъ, мы лежали, съживившись, передъ огнемъ и, какъ я уже сказала, почти обожгались съ одной стороны, въ то время какъ другая мерзла и леденѣла. Мы стали просить послѣдняго, остававшагося съ нами кули пойти на встрѣчу своимъ товарищамъ и хоть принести намъ что нибудь теплаго. Онъ сначала начисто отказался. Однако обѣщаніями хорошей получки на водку удалось убѣдить его. Онъ пошелъ и тоже пропалъ! Мы остались одни посреди мертвой тишины.

Морозъ къ утру все усиливался, и я дивилась, какъ могъ мужъ мой, въ такомъ бѣдственному положеніи, еще разсуждать о тонахъ и краскахъ двигавшихся надъ нами облаковъ.—Другой разъ, говорилъ онъ, надоно прийти сюда со свѣжими силами и сдѣлать этюды всѣхъ этихъ эффектовъ, ихъ увидишь только на такихъ высотахъ...

Ночь эта, о которой я буду помнить всю мою жизнь, наконецъ кончилась. Но и на утро никто не являлся. Мы снова начали звать и стрѣлять изъ ружья. Ни малѣйшаго отвѣта, точно будто вымерли всѣ наши слуги и носильщики, или бросили насъ и ушли назадъ. Чего мы ни передумали: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ бросили насъ въ предположеніи, что мы замерзли. Случись

это действительно, нась назвали бы сумасшедшими, тѣмъ дѣло и кончилось бы.

* * *

Уже снова день склонялся къ вечеру, а мы все еще ожидали нашихъ людей, сидя на снѣгу около костра, съ трудомъ поддерживаемаго сырьими прутьями; къ холоду мы сдѣлялись менѣе чувствительными, такъ какъ начинали коченѣть, но голодъ давалъ себя знать.

Василій Васильевичъ рѣшился наконецъ, собравши послѣднія силы, идти розыскивать людей; онъ одѣлъ кое-какъ свои смерзшіе сапоги и бодро выступилъ въ путь. Послѣ онъ признавался, что, прощаюсь со мною, не раз-считывалъ болѣе найти меня живою. Силенки его на столько истощились, что черезъ каждые 10—20 шаговъ онъ долженъ былъ останавливаться, чтобы перевести духъ; скоро онъ скрылся изъ виду и я осталась одна одинешенька. Я съежилась и укрылась, какъ только могла, но пошелъ снѣгъ и потушилъ мой огонь. Приходилось просто замерзать. Тогда я встала, чтобы также идти, но сапоги такъ замерзли, что налѣзали лишь на половину ноги, и идти можно было крайне медленно. Былъ уже снова вечеръ, когда наконецъ показался кули съ кое-какою провизіею и теплыми вещами для нась. Мой первый вопросъ былъ: гдѣ же саибъ (господинъ)?—Саибъ сейчасъ идетъ.

Въ самомъ дѣлѣ мужъ мой скоро показался, но не на ногахъ своихъ, а на спинѣ кули. Онъ говорилъ мнѣ, что ушелъ отъ меня не болѣе какъ на версту, постоянно остана-

вливаясь и садясь на снѣгъ, и какъ разъ въ-время встрѣтилъ носильщиковъ, потому что идти далѣе не могъ.

Одного послалъ онъ сейчасъ же ко мнѣ, другому же усѣлся на закуки и такъ дотащился до моего бивуака. Снова запыдалъ костеръ, мы сварили супъ изъ присененного пѣтуха и настолько подкрайнились, что были бы совсѣмъ молодцами и пошли бы куда угодно, еслибы не сильная головная боль у Василья Васильевича. Я въ добавокъ почти не могла смотрѣть, такъ ослѣпилъ меня снѣгъ.

Поздно вечеромъ пришелъ Тинли собственnoю персоною, а съ нимъ и остальные кули. Мужъ сказалъ мнѣ по секрету, что съ удовольствiемъ поколотилъ бы ихъ, но воздержался, чтобы, чего доброго, они не разбѣжались. Пришлось дѣлать bonne mine à mauvais jeu. Кули пошли къ хижинѣ. Мы за ними.

Дорога до того была гладка отъ льда, что, не смотря на глубокий снѣгъ, не только мы въ нашихъ европейскихъ сапогахъ, но и носильщики поминутно скользили и кувыркались.

* * *

Наконецъ мы пришли къ избушкѣ, самому жалкому строеньцу. Со всѣхъ сторонъ, съ полу и съ крыши, прещирокія щели, чрезъ которыхъ дуло и навѣвало снѣгъ. Все-таки мы отдохнули и Василій Васильевичъ началъ писать нѣсколько этюдовъ окружныхъ снѣжныхъ горъ; онъ такъ ослабѣ, что два кули помогали ему входить на гору, съ которой онъ писалъ. Солнце жгло ему го-

лову и спину въ то время, какъ на груди оть дыханья собирался ледъ, а пальцы едва могли держать палитру и кисть—оть холода. Кажется, онъ сдѣлалъ ошибку, что, понадѣявшись на прохладу горъ, предпринялъ свой подъемъ въ обыкновенной поярковой

Гора Джонгри.

шляпѣ,—удары солнца здѣсь почти также сильны, какъ и въ долинахъ.

Лицо его пухло все болѣе и болѣе, глаза смотрѣли щелками, при этомъ онъ чувствовалъ сильнѣйшую боль въ головѣ, которая совсѣмъ не могла поворачиваться. Поскорѣе надо было оканчивать занятія и уходить.

Кто не былъ въ такомъ климатѣ, на такой высотѣ, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о голубизнѣ

неба,—это что-то поразительное, невероятное, краска сильней всякаго чистаго кобальта, это почти ультрамаринъ съ небольшою дозою кармина. Розовато-блѣлый снѣгъ на этомъ темномъ фонѣ является поразительнымъ контрастомъ. Впрочемъ, я говорю это со словъ мужа, который жалобы на сильную головную боль перемѣшивалъ восхищеніями отъ окружающихъ массъ снѣговъ. Сама я, должна признаться, пробовала иѣсколько разъ полюбоваться видами, но каждый разъ поскорѣе закрывала глаза и спасалась въ избушку,—глаза мои не переносили силы свѣта ярко освѣщенаго, недавно выпавшаго снѣга.

Двое кули, у которыхъ не было сапоговъ, остались внизу при вещахъ, чтобы не обжечь снѣгомъ ноги; но напимъ слугамъ индѣйцамъ, не желавшимъ подниматься, мы дали знать, что если они не придутъ, то не получать жалованья. И надобно было видѣть, какъ одна за другой стали появляться ихъ тощія, длинныя фигуры, съ ужасомъ созерцающія разстилавшіеся кругомъ снѣга.

Здѣсь вспомнили мы Лоди и пожалѣли, что его не было съ нами. Будь онъ тутъ, мы совершили бы это восхожденіе какъ простую прогулку, бѣзъ приключений.

Какъ было уже сказано, мы его послали назадъ въ Дарджилингъ купить разной провизіи, и онъ еще не успѣлъ воротиться.

Василій Васильевичъ окончилъ этюды на третій день нашего пребыванія въ избушкѣ и послѣ полдня мы начали спускаться. Пора было, лицо его такъ опухло, боли въ головѣ такъ усилились, что онъ навѣрное умерѣбы, если бы мы остались тамъ еще дольше. Къ тому же по

нѣкоторымъ признакамъ надобно было скоро ожидать дурной погоды, т.-е. снѣга, на этихъ высотахъ обыкновенно погребающаго неосторожныхъ живьемъ, въ сугробахъ. Я такъ и спустилась, не видѣвши красотъ снѣженыхъ горъ въ такомъ близкомъ разстояніи. Осталось только впечатлѣніе чего-то громаднаго, блестящаго, помню,

Гора Канчинага.

что надъ самою высокою горою лежало, плотно прилегши къ ней, легкое облако, отличавшее Канчинагу отъ прочихъ горъ. Люди наши прикрывали глаза концами своихъ кисейныхъ тюрбановъ. Кули почти всѣ имѣли глубокіе очки съ проволочными боками и зелеными или синими стеклами. Понять не могу, какъ могъ Василій Васильевичъ писать свои этюды.

Спускъ былъ, разумѣется, значительно легче, чѣмъ

подъемъ, хотя тропинку и замело глубокимъ снѣгомъ, выпавшимъ еще за эту ночь.

Начавши спускаться послѣ полудня, мы довольно рано еще пришли въ Бакимъ, гдѣ ожидали нась кули и палатка съ вещами.

Кули наши весело заварили себѣ какую-то похлебку изъ вонючихъ рыбъ съ рисомъ, да и мы чувствовали себя спокойнѣе, чѣмъ тамъ, на верху.

Въ видѣ развлеченія мы имѣли удовольствіе слышать изъ нашей палатки, какъ кули Карсынь, присутствовавшій въ первое время нашего замерзанія, рассказывалъ своимъ товарищамъ про наше бѣдственное положеніе; мошенникъ ловко представлялъ, какъ мужъ мой жалобнымъ тономъ просилъ или огня подложить, или прикрыть нась... Разумѣется, вся компанія хохотала отъ чистаго сердца. Мы дали на водку обоимъ, бывшимъ съ нами кули, и тѣмъ, что пришли къ намъ на выручку, въ назиданіе лѣнивымъ, пришедшімъ поздно.

* * *

Здѣсь кстати можно сказать нѣсколько словъ о кули. Ихъ предводитель Тинли, старый травленый волкъ, хорошо знающій свое дѣло, т.-е. своихъ людей, здѣшнія дороги и всѣ порядки. Послѣ него, помощникъ и племянникъ его, Карсынь, будущій сирдарь,—тотъ, что таскалъ ящики съ красками (самую легкую ношу) и смыкался, какъ сказано, надъ нашу бѣдою; онъ стыдился таскать ношу, нѣсколько разъ порывался сдать ее другимъ, а самому разыгрывать роль сирдаря № 2,

но такъ какъ это не удавалось, то, по крайней мѣрѣ передъ входомъ въ людныя поселенія, сказывался не-здоровыи и не несъ ничего, свободно любуясь и давая собою любоваться мѣстнымъ красавицамъ — онъ былъ весьма красивый малый.

Нашъ охотникъ, съ вѣчно непроспавшемся физіономіей, добрый дѣтина и порядочный пьяница. Кажется, у него мало было способности губить божи твари для потѣхи, по крайней мѣрѣ онъ за все время такъ-таки ничего и не убилъ, за то очень старательно помогалъ мнѣ идти въ снѣгахъ и по камнямъ. Одинъ кули былъ пресмышной: толстый, довольно миловидный, похожій на женщину, всегда усердно помогавшій при постановкѣ и сборѣ палатки и имѣвшій спеціальностью ставить верши въ рѣкахъ, около которыхъ мы располагались; но не столько рыба не давалась въ верши, сколько онъ кралъ ее, такъ какъ мужъ мой, вставая иногда рано, случайно видѣлъ, какъ этотъ кули, крадучись, осматривалъ свои рыболовни. Было еще нѣсколько разныхъ типовъ, болѣе или менѣе блудливыхъ; кажется, очень большихъ негодяевъ не было.

Вообще кули грубоватый, нѣсколько лѣнивый, но довольно добродушный народъ. Бутіа живѣе и энергичнѣе, чѣмъ Лепча; всѣ слушались и покорялись безпрекословно сирдарю. Напр., съ мою потерянною сумкой сдѣлалось именно такъ, какъ говорилъ Тинли. Когда мы пришли къ мѣсту, гдѣ случилась потеря, онъ просилъ у насъ дозвolenія пойти поискать и скоро возвратился изъ лѣсу съ находкой. По всей вѣроятности, сумочка лежала всѣ эти дни зарытая въ землѣ, потому что оказалась насквозь про-

моченюю. Такъ какъ мы обѣщали, то, разумѣется, и не пробовали разузнавать, кто покушался на нашу собственность.

* * *

Къ деревнѣ Яксунъ дорога, размытая дождями, сдѣлалась еще хуже, чѣмъ была за первый нашъ проходъ. Снѣгъ такъ надоѣлъ нашимъ кули, что безъ обычной остановки дошли мы до самой деревни, названой Якъ-Сунъ въ честь трехъ ламъ, обратившихъ край въ буддистскую религию.

Только что горевали мы о томъ, куда запропастился нашъ Лоди, какъ на поворотѣ дороги ближней горы, показались сначала бараны головы, а потомъ и огромная шапка переводчика, дававшая ему видъ большаго гриба. Онъ доставилъ намъ 5 барановъ, 2 короба куръ, письма и газеты. Отъ такого неожиданного благополучія мы забыли наши невзгоды. За это время мы не были избалованы мясною пищею—отъ Джонгри дичины почти не было, Василій Васильевичъ застрѣлилъ только одну дикую курочку и двухъ утокъ.

Дожди шли день и ночь и такие сильные, что сквозь плотную нашу палатку капало на насъ по ночамъ.

* * *

Въ деревнѣ Яксунъ двѣнадцать, пятнадцать домовъ. Хоть дорога, по которой мы шли, и очень дурна, но она составляетъ главный путь провоза соли въ Тибеть, такъ

какъ по бслѣе удобному пути, чрезъ Непалъ, слишкомъ велики пограничные поборы.

Около деревни, на горѣ, старинный монастырь Добди, окруженній плачутими ивами. Отъ ламы этого монастыря мы получили въ презентъ масла и молока, за которыхъ я щедро заплатила. Конечно, мужъ мой воспользовался случаемъ написать нѣсколько этюдовъ съ ламы, его жены и самого монастыря, очень интереснаго, уютно убраннаго. Лама рассказалъ намъ, что ихъ родъ изъ поколѣнія въ поколѣніе служить главными священниками при этой церкви. Онъ, какъ большинство его собратовъ, простой, не-отесанный, добрый малый, женатый, какъ сказано, и отецъ семейства. Жениться ламы не имѣютъ права, для этого нужно особенное позволеніе, что не обходится безъ платы и подношенній духовному начальству. Во что обходится женитьба безъ дозволенія, знаетъ нашъ лама на примѣрѣ своего семейства: отецъ его, распорядившійся своею судьбою собственной властью, пробылъ всю остальную жизнь въ заключеніи при монастырѣ же. Странно, что старушка, вдова его, ходить въ платьѣ своего покойнаго мужа; не знаемъ, имѣла ли она на то дозволеніе или только донашивала платье, по вольности дворянской.

Надобно думать, что сынъ ея, пріятель нашъ лама,— не маловажное лицо: куда бы и когда бы не отлучался онъ изъ монастыря, звукъ трубы возвѣщаетъ окрестности объ этомъ событии, жители становятся на колѣни при его проходѣ, цѣлютъ руку его или края одежды. Видно, что духовенство пользуется въ странѣ большимъ уваженіемъ.

Первые правители Сиккима жили въ Яксунѣ, такъ что деревушка эта занимаетъ мѣсто въ исторіи страны. Жители, какъ гуси въ баснѣ, не пропь погордиться минувшимъ значенiemъ ихъ мѣстности. Еще сохранилась часть постройки, дворца или укрѣпленія, въ разсѣянныхъ которой большое дерево пустило свои корни. Тамъ есть мѣсто, называемое королевскимъ, гдѣ, по преданію, творили судъ первые правители. По близости было маленькое озерко, теперь высохшее, по рассказамъ туземцевъ ни болѣе, нименѣе, какъ украденное чортомъ и перенесенное въ ближайшее озеро.

На то, что здѣсь начало государства Сиккима, указываетъ и легенда, приписывающая происхожденіе народа изъ ногъ Канчинги.

Ламамъ, проповѣдовавшимъ буддизмъ, посчастливилось заслужить общее довѣріе. Чтобы усмирить раздоръ въ странѣ, они назначили правителя или короля изъ почетнѣйшей фамиліи. Короли долго имѣли здѣсь свою резиденцію и только въ недавнее сравнительно время перенесли ее въ Томлонгъ, подальше отъ границы враждебнаго Непала.

* * *

Должно быть, нашъ Чапрасси (посыльный) предавался размышеніямъ обо всѣхъ этихъ превратностяхъ судьбы, когда случился съ нимъ такой казусъ. Когда онъ однажды варила свое кушанье, проходившая мимо корова полюбопытствовала узнать, что именно стряпаетъ онъ,— или ей не понравилось кушанье, или она обожгла морду, только она начала сбрасывать котелокъ съ морды, а

какъ это было не легко, то и выдѣлывать уморительные штуки; наконецъ корова поскакала маршъ-маршемъ, очевидно съ отчаянія, Чапрасси за нею...

Надобно сказать, что Чапрасси нашъ, хотя человѣкъ замѣчательной глупости, принадлежалъ къ высшей касть Токуровъ. Чтобы оберегать чистоту своей касти, онъ для приготовленія, напр., своего кушанья забирался какъ можно дальше, чтобы ни чей нечистый взглядъ, ни нашъ, ни кого либо изъ нашихъ слугъ, ниспѣй противъ его каstry, не осквернилъ таинство приготовленія и пожиранія похлебки. Онъ заходилъ далеко отъ всѣхъ насъ, въ высокую траву, подъ скалу или подъ кустъ, зажигалъ огонь и приступалъ къ дѣлу варенія супа, печения хлѣба и т. д. Часто я выговаривала ему, зачѣмъ онъ заходитъ такъ далеко, что въ случаѣ надобности нѣть возможности его дозваться. Ничего не помогало до помянутаго случая съ коровою, когда онъ увидѣлъ наконецъ, что не слѣдуетъ полагаться только на свои силы, даже и при варкѣ супа. Чтобы представить себѣ комизмъ этой сцены, надоно знать, что корова для индусовъ священное животное, бить ее нельзя, почему бѣдный посыльный нашъ принужденъ былъ уговаривать ее отдать котелокъ пантомимами и ласковыми словами.

* * *

Мы получали много подарковъ отъ жителей въ видѣ масла, риса и т. п., но скоро замѣтили, что главная причина этой внимательности заключалась въ щедрости,

сь которой мы отдавали эти подношения. Мы перестали съять руши, прекратились тотчас же и подарки.

* * *

Противъ насть развалины монастыря, замѣчательныя по словамъ туземцевъ тѣмъ, что подъ ними, въ землѣ, лежать мѣдныя тарелки (обыкновенно употребляемый при богослуженіи инструментъ), которыя сами ударяются одна о другую, какъ только бывають взяты въ руки. Тѣмъ, кто покушается ихъ присвоить, онъ приносить несчастіе для цѣлаго дома. Конечно, мы не выражали сомнѣнія въ этомъ чудѣ, тѣмъ не менѣе не рѣшились жертвовать временемъ для осмотра другого чуда, лежащаго въ нѣсколькихъ часахъ отъ нихъ: это гротъ, въ которомъ нѣтъ обыкновенно воды. Вода и еще теплая, является по молитвѣ ламы и исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней.

* * *

Жители здѣшніе выплачиваютъ королю подати чистью деньгами, а главнымъ образомъ натурою. Должно быть лама Добди опоздалъ въ нынѣшнемъ году доставить свою часть, такъ какъ при насть получилъ строгое приказаніе короля немедленно доставить слѣдующее. Какъ бѣдняга перепугался и какъ заторопился!

* * *

По всей вѣроятности, нашъ добрый пріятель Едгаръ, Deputy Commissioner въ Даржилингѣ, исполнилъ свое обѣщаніе написать въ монастырь Пемиончи, потому что мы получили оттуда говядины и муравара. Получили также и приглашеніе посѣтить этотъ монастырь. Но мы располагали сначала проѣхать въ близъ лежащей монастырь Чангачелингъ.

Много снѣга выпало какъ разъ къ празднику, спрѣляемому въ честь снѣговыхъ горъ. Лама нашъ заявилъ себѣ художникомъ. Онъ вылѣпилъ изъ риса множество фигурокъ различныхъ божествъ. Къ празднику этому стеклось въ Добди съ разныхъ сторонъ не мало бого-мольцевъ. Были процесіи кругомъ монастыря подъ звуки трубъ и т. д.

Передъ отѣзводомъ нашимъ лама пришелъ съ своимъ сыномъ, пилъ нашъ чай и хвалилъ. Сынишка его не такой дипломатъ, не захотѣлъ пить,—ему не понравилось. Лама продалъ намъ свою верхнюю шелковую одежду и, выпивши рюмку хересу, ушелъ довольный, хотя и въ очень облегченномъ платьѣ, домой.

* * *

Жалко намъ было разставаться съ Яксуномъ. Въ особенности ночи въ этомъ ущельѣ, окаймленномъ громадными горами, были очень хороши. На глубокомъ прозрачномъ темно-зелено-голубомъ небѣ звѣзды горѣли такъ ярко, что какъ будто висѣли надъ головами. Огонь передъ нашей палаткою яркимъ пятномъ выдѣлялся въ этой темнотѣ, разбрасывая далеко искры. Издали

виднѣлась надъ ущельемъ вершина снѣжной горы Пандимъ, освѣщенная луною и рисовавшаяся блѣдною, зеленоватою массою, окаймленною густыми лѣсами близъ лежащихъ горъ. Однако, и въ этомъ раю нѣкоторыи изъ нашихъ людей заболѣли лихорадкою.

Мы вышли отсюда по совсѣмъ размокшой дорогѣ. Скоро дошли до мѣста, гдѣ оставили лошадей, оказав-

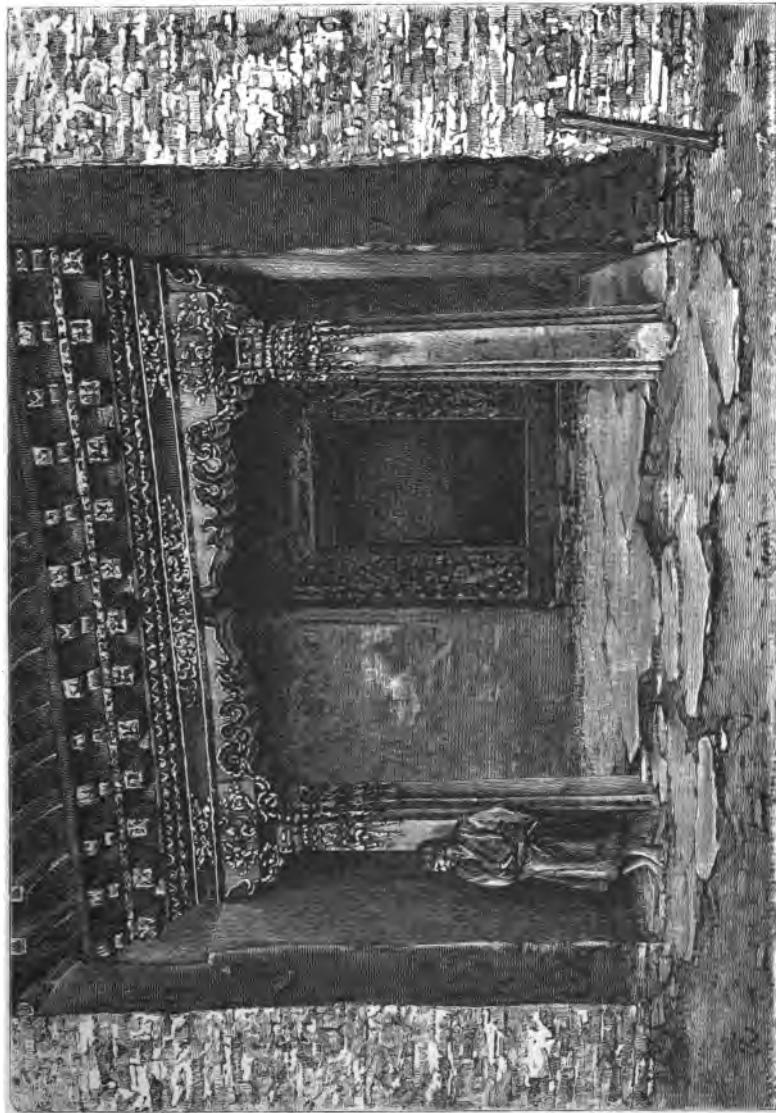

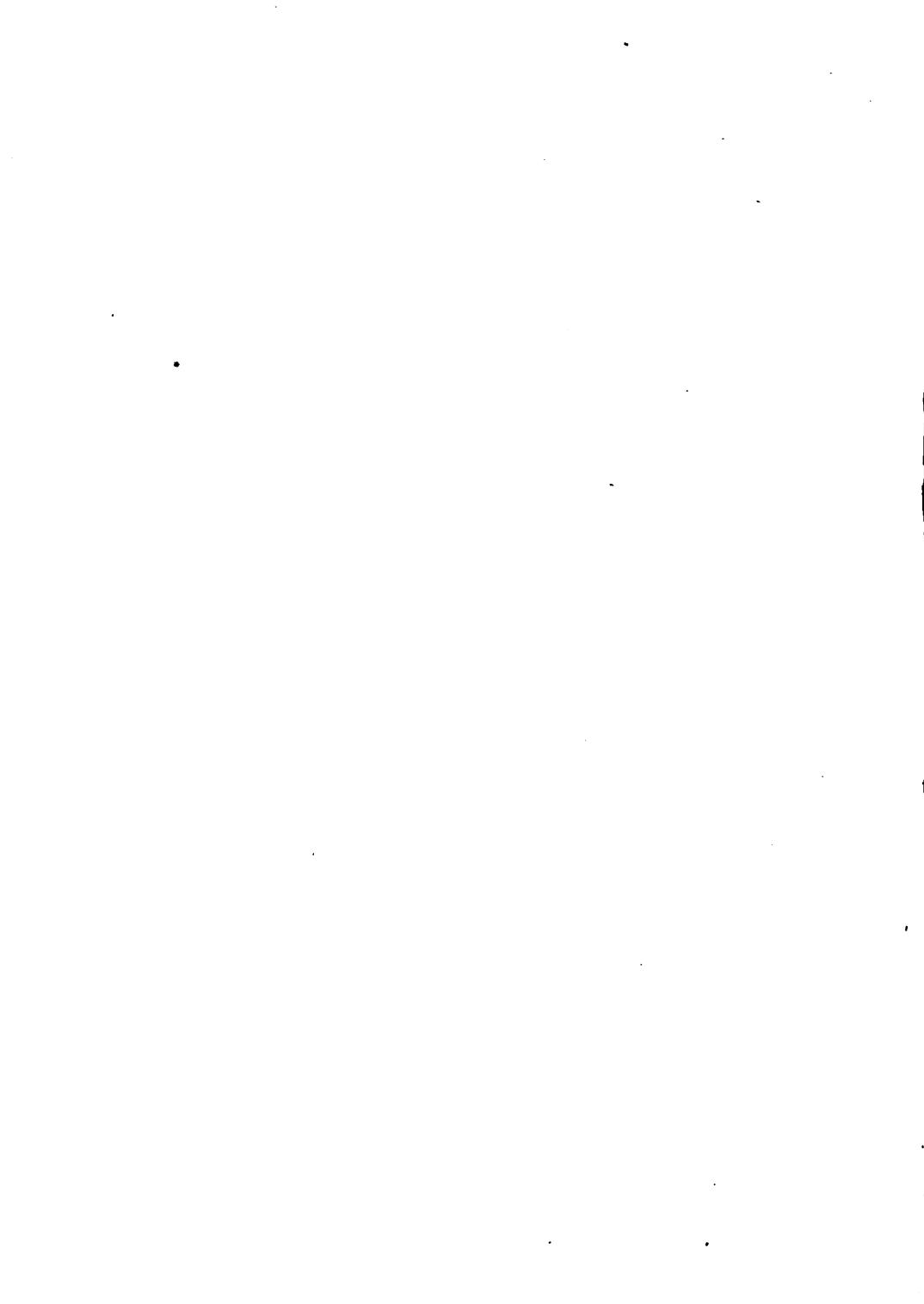
Гора Пандимъ.

шихся крѣпко заморенными. Очевидно, юный конюхт, въ отсутствіе наше, каталъ на нашихъ пони красавицт, всего околотка. Дѣйствительно, мы узнали, что одна изъ черноглазыхъ дщерей горъ заполонила сердце нашего саиса. Онъ заговоривалъ о будущей свадьбѣ, что намъ не помѣшало прогнать его, какъ виновника необычайной худобы лошадей нашихъ.

* * *

Двери храма въ Чанчелинѣ.
Съ карты В. В. Верещагина.

Я пришла въ Чангачелингъ раньше всѣхъ, и Василий Васильевичъ засталъ уже меня сидящею среди ламъ, самый старшій между которыми принялъ насть очень любезно. Такъ какъ шелъ сильный дождикъ и посильщики наши опоздали, то лама предоставилъ въ наше распоряженіе на ночь одну изъ церквей, не ту верхнюю, въ которой мы болтали и богъ которой, по словамъ его, былъ очень суровый, а одну изъ нижнихъ, очень просторную, съ колоссальными священными статуями.

Надобно удивляться религіозной терпимости буддистовъ, особенно сравнительно съ брахманами, которые боятся, напр., чтобы даже тѣнь невѣрующаго не коснулась храма ихъ боговъ: Браhma, Сива и Вишну.

Мы осмотрѣли всѣ фрески монастыря, очень недурные, и познакомились со всѣми богами, злыми и добрыми. Внутри главнаго храма, какъ вездѣ, низкія скамьи для богомольцевъ, ближе къ алтарю большой удобный стулъ для старшаго ламы. Живопись довольно старая и поэтому не такъ рѣжущая глазъ. Особенно не дурно раскрашены колонны съ огромными капителями. Входный портикъ красивъ и хорошо разрисованъ; по обѣимъ сторонамъ его молитvenные машины, цѣлый день приводимыя въ движение или ламами, или проходящими. Въ глубинѣ, какъ уже сказано, три колоссальные статуи буддистской троицы. Въ срединѣ создатель міра, начало и конецъ всего; направо и налево отъ него святые, почти обоготворенные: первый—проповѣдникъ буддистской религіи въ Гималайяхъ, второй—Будда. Всѣ они сидятъ, поджавши ноги, на священномъ цвѣткѣ лотосѣ, съ неизмѣнною улыбкою на губахъ, глядя на которую

такъ и припоминается улыбка греческихъ боговъ древнѣйшаго времени. У проповѣдника—чернаго цвѣта лицо, въ знакъ того, что онъ пришелъ съ юга. У Будды уши проткнуты, но серегъ въ нихъ нѣтъ, точно также, какъ и другихъ украшеній, что должно означать презрѣніе къ сущности мірской этого принца-философа.

* * *

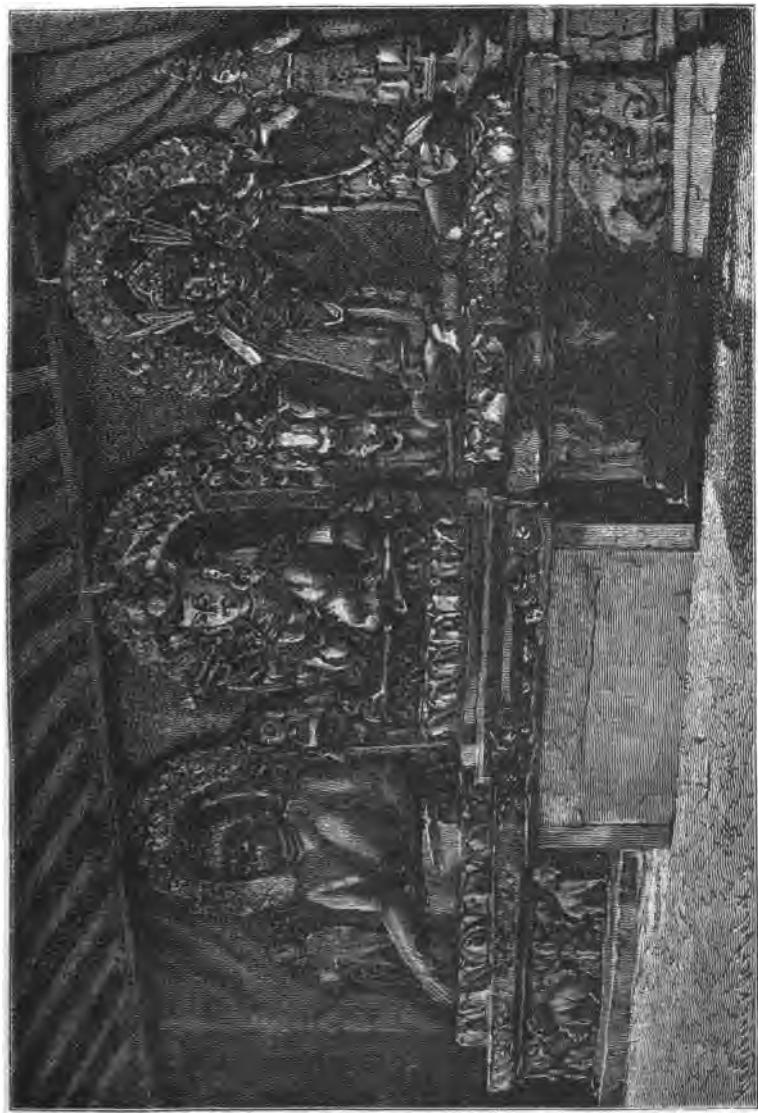
Мы разставили палатку на маленькомъ дворѣ монастыря, такъ что могли вдоволь наблюдать монастырскую жизнь. Съ ранняго утра раздается звукъ трубы, изъ кости человѣческой руки по обыкновеннымъ днямъ и изъ предлиннаго мѣднаго инструмента по праздникамъ. Въ продолженіе пѣлаго почти дня идетъ служба съ аккомпаниментомъ мѣдныхъ тарелокъ,—это все заказные молебны, сопровождаемые приношеніями главнымъ образомъ натурою, такъ что въ промежуткахъ жеванью, чавканью, иканью нѣтъ конца.

Нашъ хозяинъ, старшій лама, былъ очень старъ и уже раза два совсѣмъ было собирался отдать Богу душу.

Въ самое послѣднѣе время передъ нашимъ приходомъ онъ чувствовалъ себя очень дурно, но поправился, по словамъ его, благодаря бутылкѣ портвейна, нами подаренной. Въ совершенное выздоровленіе свое онъ все-таки не вѣрилъ, такъ какъ роздалъ всѣ вещи и продалъ намъ послѣднее свое священническое платье.

* * *

Мѣстность Чангачелинга превосходная. Монастырь стоитъ на высотѣ 9,000 фут. слишкомъ. По сѣверной

Будапештская троица.
Съ картины В. В. Верещагина.

сторонѣ—вся линія снѣговъ съ главными узлами хребта, Канчингой, Пандимомъ и друг.; съ другой, южной, едва виднѣется Дарджилингъ съ рядами кряжей, вплоть до большой индійской равнинны. Иногда, когда облака стояли низко, мы проводили цѣлые дни въ туманѣ. Временами онъ разсѣвался, тогда открывался ярко освѣщеній солнцемъ видъ на далекія голубыя горы, потомъ снова все задерживалось налетавшимъ облакомъ. Прежде, должно быть, монастырь былъ болѣе оживленъ, такъ какъ напротивъ него стояла женская обитель.

Частенько, по вечерамъ, лама присаживался къ нашему огню, и болталъ и шутилъ съ нами такъ живо и весело, какъ только старость позволяла ему. Одинъ разъ, однако, онъ весьма сердѣзно рассказалъ, что видѣлъ во снѣ, будто монастырскій богъ сердитъ на нась.—За что?—А за то, что мы жаримъ на вертелѣ сырую говядину, не проваренную предварительно, что богу не-пріятно.

Лама этотъ получилъ свое образованіе въ монастырѣ Пеміончи, высшемъ разсадникѣ учености въ здѣшнемъ краѣ.

* * *

Мы получили изъ Пеміончи формальное приглашеніе на праздникъ въ честь снѣговыхъ горъ, спрвляемый здѣсь, въ центрѣ буддистскаго вѣроученія, съ особыннымъ торжествомъ. Ламы послали сказать, что встрѣтить насъ въ торжественной процессіи, подъ звуки трубъ—что мы, разумѣется, отклонили.

На праздникъ сѣхалось уже много народа со всѣхъ

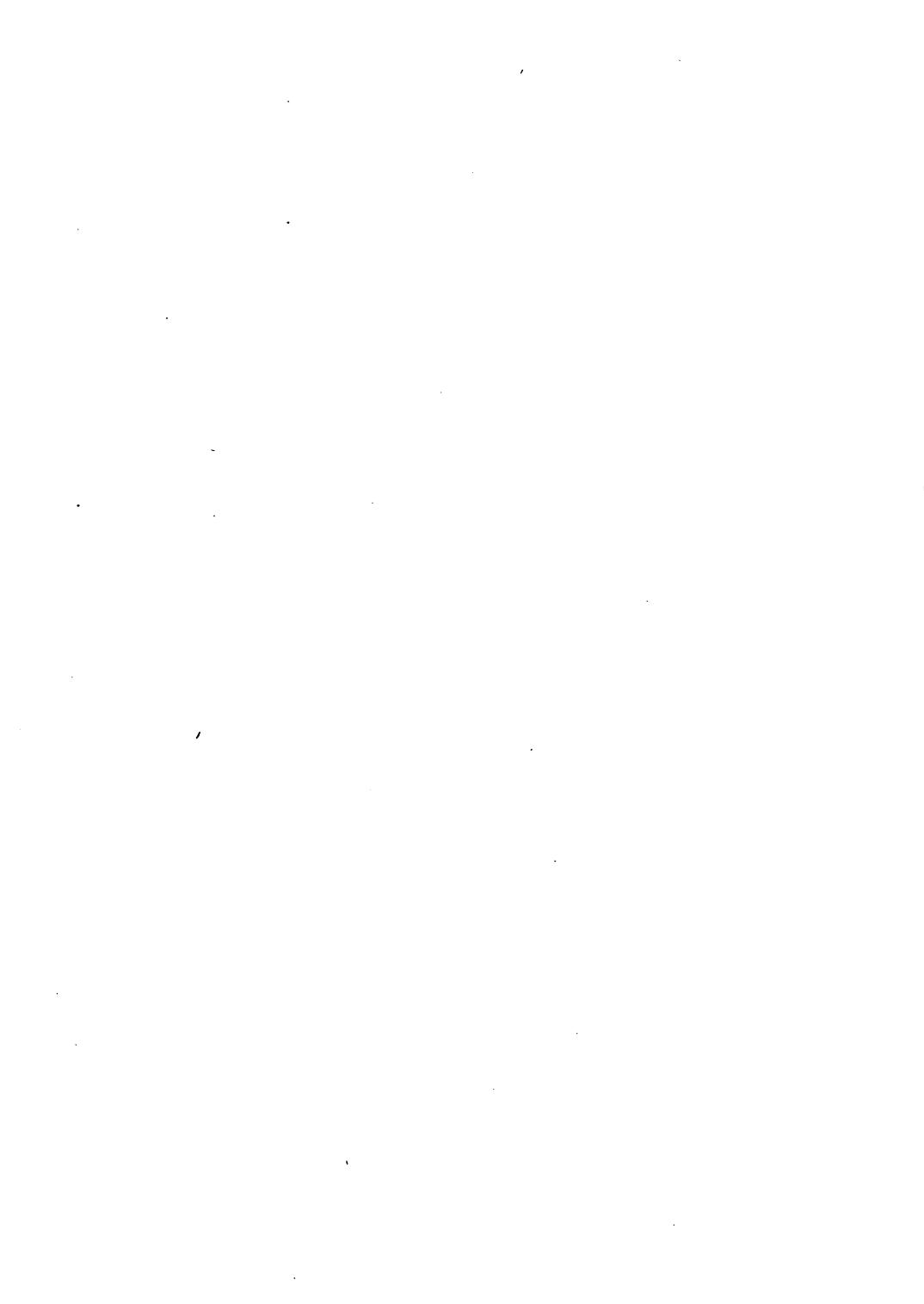
ближнихъ и дальнихъ окрестностей, когда мы явились. Всѣ ламы были въ праздничныхъ нарядахъ. Мѣсто для пантомимъ и танцевъ было приготовлено на площадкѣ передъ монастыремъ, съ одной стороны которой—флаги, представляющіе каждый одну изъ снѣговыхъ горъ, съ другой—балдахинъ для главныхъ ламъ.

Въ рвениі достойно приготовиться къ великому празднику, священники перекрасили заново весь монастырь, расписавъ при этомъ портикъ ярко-новыми фресками самого ужаснаго вкуса.

Когда мы вошли, ламы были въ храмѣ, занятые на половину молитвою, на-половину приемомъ приношений; часть послѣднихъ, разумѣется незначительная, выбрасывалась дьяволу, а другая посвящалась богу, наливаясь и всыпалась въ маленькия чашечки, стоявшія передъ идолами. Тотъ, кто разносилъ богу посвященные части, дѣлалъ это съ вязаннымъ ртномъ и носомъ, что бы дыханіемъ не осквернить чистоты приносимаго. Затрубили трубы, и старшия ламы, двинувшись изъ храма, заняли приготовленныя имъ подъ балдахиномъ мѣста. (Мимоходомъ сказать, балдахинъ для старшихъ ламъ былъ изъ богатой шелковой матеріи, съ заткаными драконами, для прочихъ—изъ простой непальской крашенины, съ чрезвычайно интересными орнаментами и буддистскими божествами). Сначала вышли на сцену двое ламъ, замаскированныхъ старикомъ и старухою,—это клоуны, потѣшающіе честной народъ. Ихъ шутки и самыя движения, также какъ и нѣкоторые атрибуты игры, были крайне нескромны, но очевидно приходились по вкусу публики. Затѣмъ вышли одинъ за другимъ ламы-плясуны. Кос-

Лама, одетый божествомъ.
Съ картины В. В. Верещагина.

въ Пеміончи, чтобы досмотрѣть празднікъ до конца. Онъ разсказывалъ мнѣ послѣ, что повторилась опять вчерашняя исторія съ тѣмъ измѣненіемъ, что ламы танцевали военный танецъ съ саблями, хотя и картонными. Въ этомъ танцѣ участвовали частью и не духовные и, между прочимъ, отличался пріятель нашъ, кривой старикъ, постоянно продававшій намъ курь и яйца. Онъ съ товарищами, вооруженными всѣмъ сиккимскимъ оружіемъ, т.-е. ножемъ, пикою и плетепымъ щитомъ, гускомъ прыгали не то какъ тигры, не то по кошачьи, весьма характерно, съ такимъ припѣвомъ:

Я сынъ великаны,
Никакой звѣрь не посмѣеть сразиться со мною.
Хоть бы и самъ чортъ.
Я летаю быстро, какъ свѣтъ,
Какъ пуля изъ ружья.
У меня мечъ великаго короля
И такой величины,
Что вѣтъ нигдѣ довольно мѣста,
Чтобы повѣсить его.
Ножъ мой лежалъ три дня въ огнѣ
И три дня въ водѣ морской.

* * *

Въ это же время Чингачелингскій лама сжегъ въ жертву богу множество маленькихъ чертенятъ, слѣпленныхъ изъ риса, что, однако, мало помогло ему вѣроятно, такъ какъ онъ что-то снова заболѣлъ и началъ заводить рѣчь о новой бутылкѣ шортвейна. Мы остались еще нѣсколько дней и провели ихъ въ монастырѣ очень удобно.

* * *

Посланный въ Дарджилингъ кули воротился къ этому времени съ провизіею и деньгами. Деньги должно быть соблазнили его, такъ какъ онъ украдъ дорогою 5 рушій.

Здѣсь очень развита болѣзнь зобъ, поэтому я вѣлѣла принести изъ аптеки Дарджилинга банку помады противъ этой опухоли. Первую пробу лекарства сдѣлали мы на женѣ ламы, имѣвшей подъ подбородкомъ горячочный мѣшокъ. Только Лоди, взявшійся за лечение, натеръ горло такъ старательно, что кожа слѣзла у бѣдной женщины и понаскакали волдыри. Однако, онаувѣряла, что ей много лучше и настаивала, чтобы мы оставили ей этого лакарства.

* * *

Не мало насмѣшилъ насъ опять нашъ Чапрасси гордостью своею. Одна изъ моихъ курицъ затерялась куда-то; отыскивая ее, я пришла въ мѣсто, гдѣ въ это именно время нашъ Такуръ вариль свое кушанье. Можетъ быть, если бы никого не было при этомъ, ничего бы и не случилось, но такъ какъ тутъ были Лоди и иѣкоторые изъ кули, то ему захотѣлось показать свое рвение къ сохраненію чистоты касты, и вотъ онъ презрительно вылилъ на землю все содержимое въ котелкѣ, оскверненное моимъ взглядомъ, разбросалъ и потушилъ огонь! И попало же ему за это. Мужъ мой не только крѣпко выбранилъ его за такую дерзость, но еще къ ужасу Чапрасси схватилъ своими недостойными руками его котелокъ и выбросилъ за монастырскую ограду, сказавши ему, что онъ собственною персоною

улетить туда же за котелкомъ, если еще разъ позво-
лить себѣ что-либо подобное.

* * *

Мы получили письмо отъ короля Сиккима. Его ма-
ленько величество извѣшталъ нась, что давно уже хо-
тѣль писать, но откладывалъ это удовольствіе за мно-
гими государственными занятіями. Письмо, писанное на
тонкой бумагѣ, было по тамошнему обычаю завернуто
въ бѣлую шелковую матерію и начиналось словами:
„Шри, Шри, Шри!“ т. е. Счастье, Счастье, Счастье! При
письмѣ былъ подарокъ изъ говядины, орѣховъ и слад-
остей, также китайскій кошелекъ и нѣкоторыя ме-
лочи.

* * *

Мужъ мой кончилъ свою работу въ Чангачелингѣ
и мы скоро разстались съ монастыремъ и добрымъ ла-
мой. При прощаніи онъ не утерпѣлъ, чтобы ни попро-
сить себѣ теплое пальто: „Оно такъ хорошо грѣеть...“
„Да, отвѣчалъ Василій Васильевичъ, оно дѣйствительно
очень грѣеть, кабы не это пальто, я давно бы просту-
дился, оно очень полезно мнѣ...“

Мы выступили по дорогѣ къ Томлонгу, мимо Пе-
міончи; хотѣли-было остановиться тамъ на нѣкоторое
время, но за шумомъ и беспокойствомъ отъ множества
учащихся отложили это намѣреніе и прошли мимо. Ламы
подарили,—одному зеркало, другому кошелекъ
съ деньгами.

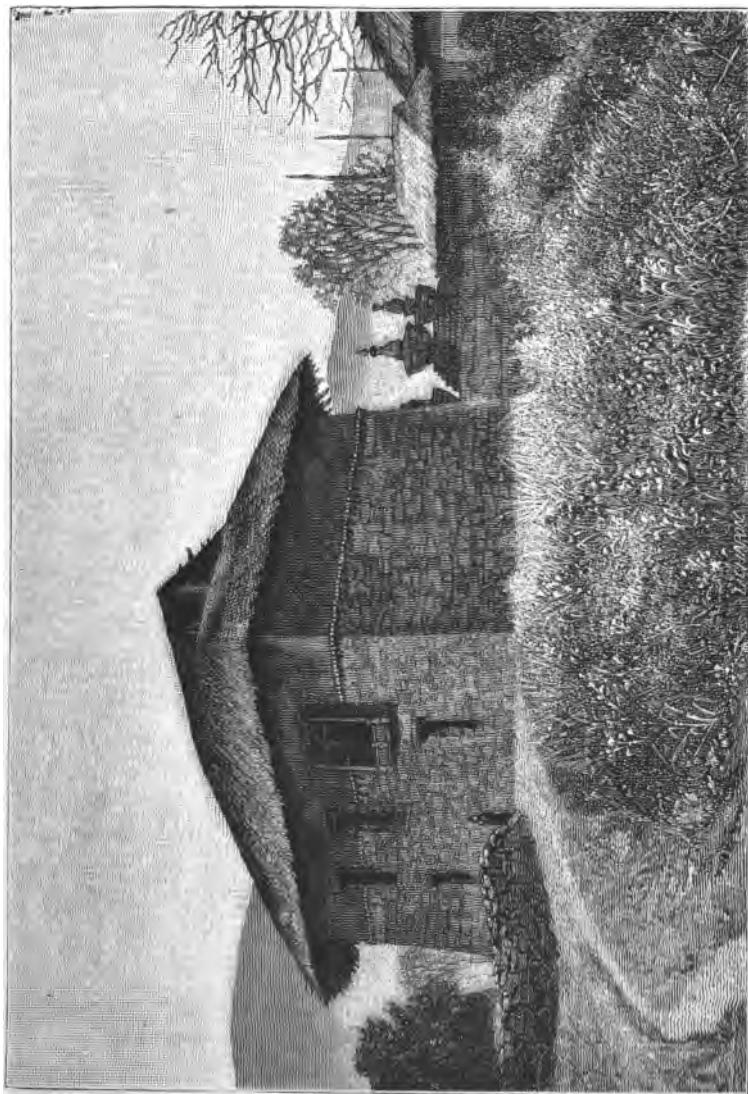
* * *

Дорога отъ Пемюнчи къ монастырю Тассидингу проходитъ чудесными мѣстами. На спускѣ горы выступаютъ на поверхность куски чистѣйшаго бѣлаго мрамора. Жителей вообще не много, такъ какъ горы очень круты, безъ долинъ между кряжами; за спускомъ слѣдуетъ сейчасъ же подъемъ и наоборотъ. Дома стоять на довольно высокихъ фундаментахъ, которые служать мѣстомъ для загона скота.

* * *

Тассидингъ лежитъ много ниже другихъ монастырей, всего на 6,000 футахъ. Мы поставили нашу палатку между памятниками (читенями), построенными не надъ гробницами, а просто въ память королей, главныхъ ламъ или другихъ знатныхъ лицъ. Противъ насъ прямо было большою читень въ честь святого ламы, построившаго Тассидингъ и возродившагося впослѣдствіи въ особѣ короля Сик-кима. Какъ старшій лама, онъ долженъ былъ бы оставаться при монастырѣ, но отецъ его просилъ у Тибетскаго далай-ламы дозвolenіе женить этого единственнаго сына своего и поселилъ его около себя. Когда этотъ король-лама умеръ, онъ возродился немедленно въ Бутанѣ, о чёмъ король Бутана и послѣшилъ оповѣстить. Когда знатный лама умираетъ, то вещи его собираются, сохраняются и выдаются тому, въ кого умершій возрѣлится черезъ 8 лѣтъ.

Надо замѣтить, что буддистскіе духовные раздѣляются на двѣ секты: красную и желтую, по цвѣту одежды. Между этими двумя сектами давняя вражда. Въ нѣ-

Монастырь Тасиодингъ.
Съ картины В. В. Верещагина.

которыхъ провинціяхъ преобладаетъ красная, въ другихъ желтая секта. Въ Сиккимѣ красная.

* * *

Мы едва успѣли познакомиться съ Тассидингскими ламами, какъ вдругъ они куда-то попрятались, исчезли. Только послѣ разузнали мы, что виною этого былъ нашъ Лоди, приходившій прежде въ Тассидингъ со своимъ миссіонеромъ проповѣдовать Евангеліе; ламы любезно приняли проповѣдниковъ, выслушали ихъ, одобрили догматы религії, но креститься отказались.

Когда они теперь увидѣли Лоди, то имъ представилось, что, должно быть, это новый миссіонеръ пріѣхалъ пробовать счастья, и они признали за наилучшее по-прятаться. Разумѣется, мы ни слова не говорили о религії.

* * *

Вскорѣ пришло къ намъ новое посланіе короля съ тѣмъ же почетнымъ званиемъ: Шри, Шри, Шри! но на этотъ разъ съ жалобою на нашихъ кули, посланныхъ въ Дарджилингъ: они купили на дорогѣ у рыбака фунтъ рыбы и, вѣроятно, въ придачу избили его до полусмерти. Разумѣется, возвратившись, они не заикнулись обѣ этомъ. Вотъ король и желалъ разслѣдовать это дѣло, но мы не знали, какъ намъ быть. Лоди могъ писать только на нарѣчіи Лепча, а по буттійскому не умѣлъ. Пришлось просить ламу помочь въ бѣдѣ разо-

брать хорошенъко письмо и написать на него отвѣтъ. Кажется, я въ жизнь мою такъ не хохотала, какъ тогда, когда онъ вмѣстѣ съ нашимъ переводчикомъ принялись, со всею подобающею серьезностью, читать по складамъ, а потомъ писать фразу за фразою. Послѣ многаго потѣнія отвѣтное письмо было наконецъ составлено, запечатано нашею государственною печатью и завернуто въ бѣлый шелковый платокъ, ліонскій фуляръ, пожертвованный мужемъ со своей шеи. Къ письму приложено было нѣсколько маленькихъ подарковъ, какъ-то: бинокль, перочинный ножикъ и еще кое-какія мелочи.

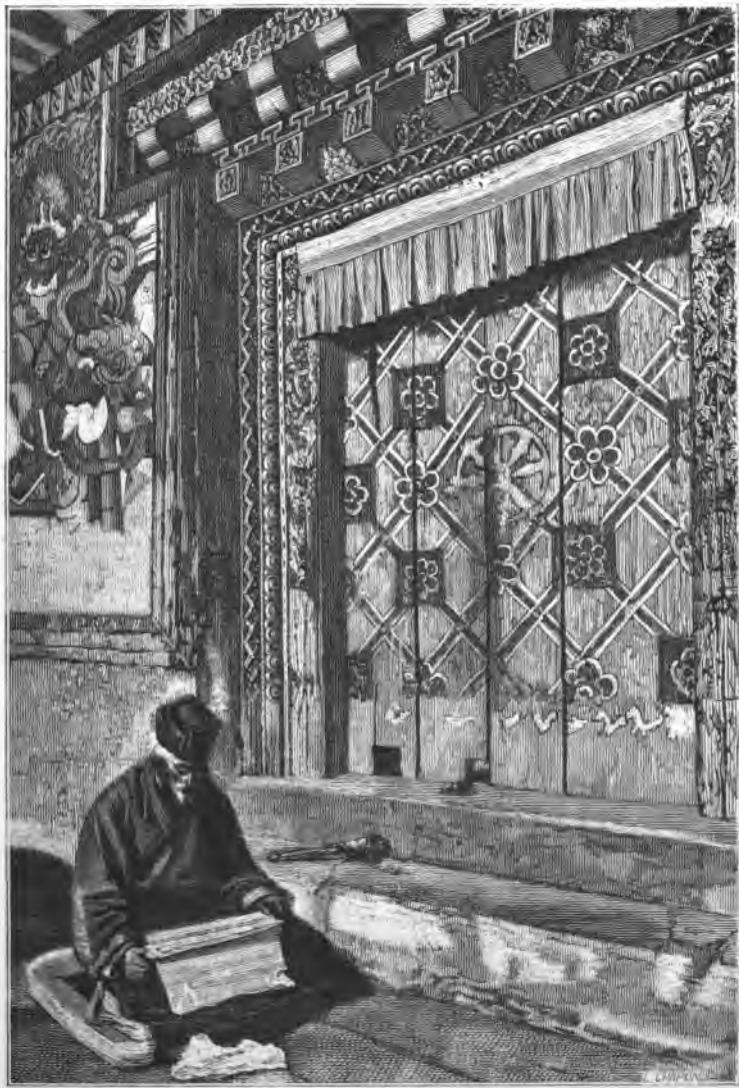
* * *

Монастырь Тассидингъ и по древности своей, и по мѣстоположенію, очень извѣстенъ. Изъ горы, на которой онъ стоитъ, вытекаетъ ручей и хорошо слышенъ шумъ подземныхъ ключей.

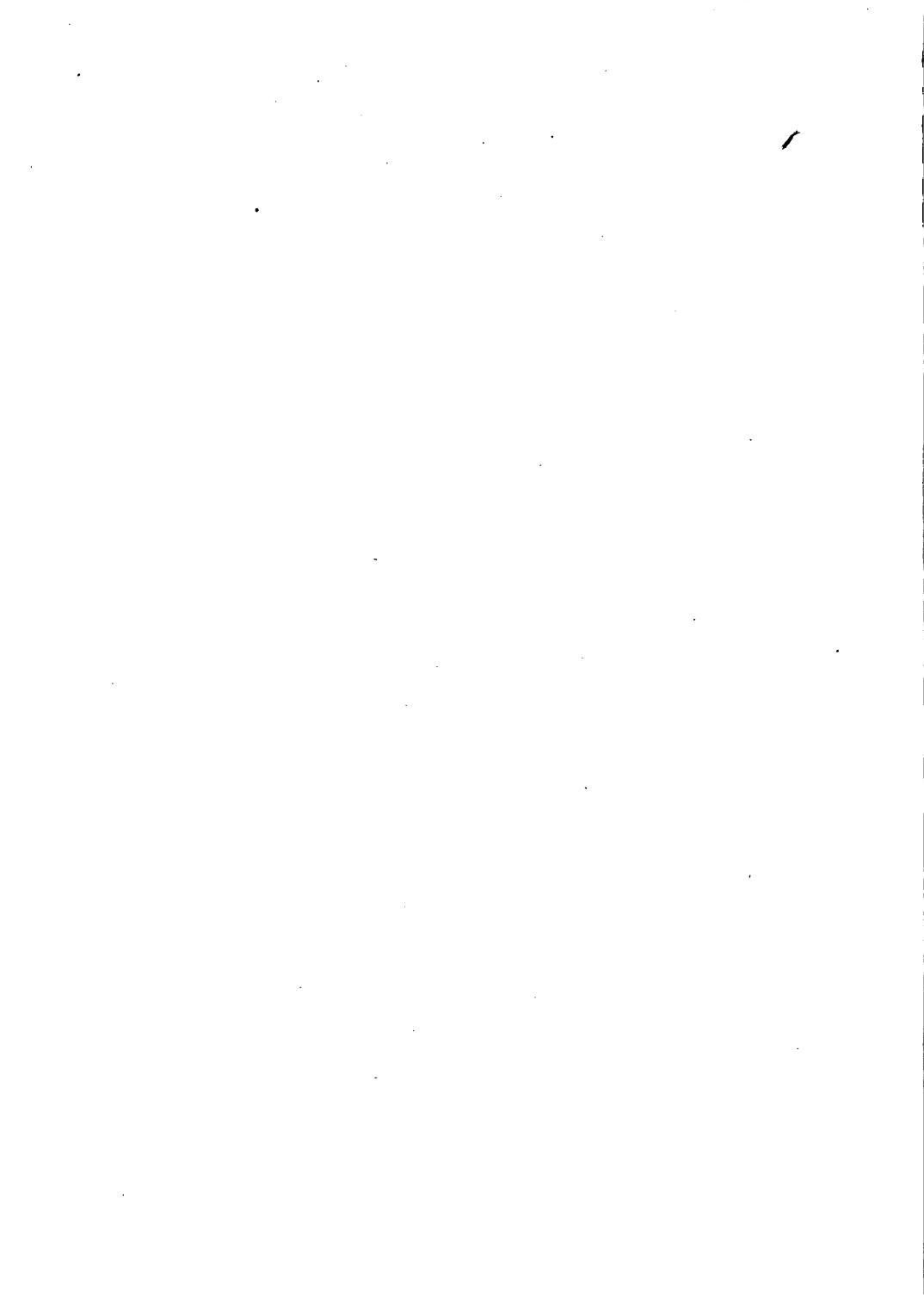
Множество богомольцевъ стекается туда, въ особенности къ празднику ежегоднаго вскрытия чудодѣйственной воды. (И съ нами случилось тоже маленькое чудо. Чапрасси нашъ, сколько его ни уговаривали, не рѣшался брать для питья воду отъ нашего бисти, т. е. водоноса, а здѣсь вдругъ рѣшился принять этотъ грѣхъ на душу, чтобы не ходить за водою почти версту подъ гору—его лѣнность побѣдила каstовую гордость).

* * *

Время отъ времени мы покупали нѣкоторыя интересныя вещи отъ туземцевъ: серебряные медальоны, разныя четки изъ человѣческаго черепа или изъ по-

Двери храма въ Тассидингѣ.
Съ картины В. В. Верещагина.

звонковъ змѣи, трубы изъ костей человѣческой руки, употребляемыя ламами при богослуженіи, тибетскія длинныя серги съ бирюзою. Туземцы различаютъ бирюзу по цѣнности, и ертвую бирюзу они отличаютъ тотчасъ по цвету.

* * *

Храмы—оригинальной постройки, наружная линія идуть книзу расширяясь. Одинъ изъ Тассидингскихъ храмовъ, средній, самый маленький, храмъ бога войны, выкрашенъ красною краскою, а по карнизу кругомъ нарисованы человѣческіе черепа. Такъ какъ давно уже Сиккинъ ни съ кѣмъ не воюетъ, то храмъ этотъ въ порядочномъ забвеніи: боги въ пыли и паутинѣ, нѣть ни поклонниковъ, ни жертвъ... Третій храмъ принадлежитъ монастырю Пеміончи. Лама этого монастыря помогалъ намъ, какъ я сказала, въ писаніи письма и былъ вообще предобный и прелюбезный человѣкъ; мужъ мой нарисовалъ его читающимъ въ портике церкви.

* * *

Уже не мало народа собралось къ водяному празднику и все время слышно было бормотаніе молитвъ передъ читенями. Ламы въ сопровожденіи богомольцевъ обошли всѣ читени, вездѣ читали и пѣли. Затѣмъ богомольцы предприняли кругомъ всѣхъ монастырей нѣчто въ родѣ крестного хода, весьма странного. Мужчины и женщины бросались ницъ, потомъ вставали, становились на то мѣсто, до котораго доходила ихъ голова, и снова повергались на землю. Церемонія эта продолжается,

смотря по усердію, иногда въ продолженіе нѣсколько пхъ часовъ, такъ что дѣлается нѣсколько круговъ около чи-теней и церквей; она начиналась серьезно, въ религіозномъ настроеніи, а оканчивалась со смѣхомъ и шутками. Вечеромъ собирались всѣ богомольцы передъ памятниками и запѣли дикимъ нестройнымъ напѣвомъ. Вѣроятно, тутъ сказывалось и количество поглощенной мурвы. Лама окропилъ ихъ святою водою, и большая часть разошлась, но нѣкоторые остались чуть ли не на всю ночь распѣвать гимны, такъ что мы принуждены были попросить ихъ отложить пѣніе до утра.

Мы не дождались главнаго празднства, во время которого вскрывается священный сосудъ съ водой. Каждый годъ извѣстное количество воды запечатывается и вскрывается черезъ годъ. Если воды не убавилось, а прибавилось, то будетъ хороший годъ, если же ея стало меньше, то—дурной, съ болѣзнями и разными бѣдствіями. Каждый изъ богомольцевъ отрѣзаетъ себѣ также кусочекъ старого, высохшаго, но священнаго древностью кипариса, невдали отъ насть стоявшаго. И мы взяли на память нѣсколько щепочекъ отъ этого благованнаго дерева. О внутренности монастыря здѣшняго нечего сказать особеннаго, она такая же приблизительно какъ и другія,—расписана и разукрашена шелковыми подвѣсками. Распрощавшись съ ламами, изъ которыхъ нашъ добрый пріятель Пеміончскій особенно желалъ намъ всякихъ благъ и успѣховъ, мы двинулись къ монастырю Ратламъ на пути въ Томлонгъ, столицу Сиккима.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Путь въ Томлонгъ.—Теплые сѣрные источники.—Ратламъ.—Приходъ въ Томлонгъ.—Мы представляемся королю.—Подарки.—Кушгенъ-лама.—Покупка различныхъ вещей.—Выходъ изъ Томлонга.—Мостъ.—Возвращеніе въ Дардзлнингъ.

Трудно передать словами красоту здѣшней растильности и роскошь ея красокъ. Камней и скалъ почти не видно, все закрыто зеленью. И какая зелень! Рододендроны не кустами, а большими деревьями, и въполномъ цвѣту. Жаль, что мы не сильны въ ботаникѣ и можемъ слѣдить за растительностью только по книжкѣ; здѣсь руководителемъ нашимъ книга Гукера, извѣстнаго англійскаго ученаго (нынѣшняго директора Лондонскаго ботаническаго сада). Нѣсколько словъ объ немъ: это единственный европеецъ, поднимавшийся на Канчингу въ одно время года съ нами, т.-е. въ январѣ. Онъ тутъ путешествовалъ приблизительно 25 лѣтъ тому назадъ и, можно сказать, что рѣдко встрѣчаются разсказы ученыхъ, такъ просто и интересно изложенные. Простота и ясность формы не мѣшаютъ ученымъ наблюденіямъ и выводамъ. Въ то же время, какъ путешественникъ, онъ отваженъ и предпріимчивъ. Но возвратимся къ продолженію нашего разсказа.

Спускаясь къ рѣкѣ, мы заблудились немного и зашли въ одну избу разспросить о дорогѣ. Изба порядочно построена, но внутренность, съ очагомъ по срединѣ и сущащимися овощами по стѣнамъ, смотрѣла не очень уютно, можетъ быть потому, что хозяинъ ея охотникъ.

Висѣли по стѣнамъ рога дикихъ козъ различныхъ формъ, когти медвѣдя, барса и др. Когти эти служать талисманами, и хозяйка дома не мало бранилась за то, что мужъ ея продалъ намъ многіе изъ нихъ.

* * *

Издалека пахло сѣрою. Близъ самой рѣки по обоимъ берегамъ находятся сѣрные источники высокой температуры. Термометръ показывалъ 50° Реомюра. Источники эти пользуются большою известностью въ Сиккимѣ, но вовсе не устроены. Передъ нами бывшее семейство ламы исправило немного прорытыя надъ ключами ямы и накрыло ихъ навѣсами изъ бамбука. Мы намѣревались пробить здѣсь нѣсколько времени и выдержать небольшой курсъ ваній.

* * *

На другой сторонѣ рѣки, въ дремучемъ лѣсу, прыгало по вѣтвямъ множество обезьянъ. Онъ до того шумѣли, что Василій Васильевичъ захотѣлъ ихъ попугать и кстати добыть одинъ экземпляръ для шкурки. Однако, онъ возвратился назадъ съ пустыми руками и рассказалъ, что радъ радешенекъ былъ вырваться живымъ. По первому выстрѣлу масса огромныхъ обезьянъ набросилась на него со всѣхъ сторонъ съ воемъ и криками, такъ что онъ и не пробовалъ повторить выстрѣль, а, подхвативши ружье, давай Богъ ноги! Все-таки же обезьяны почувствовали урокъ и на слѣдующіе дни не только не шумѣли, но даже почти не показывались.

Ванны до того горячи, что трудно переносить ихъ. Мы не дурно-было устроились. Кули поставили въ рѣку верши, провизіи у насъ было въ избыткѣ, при этомъ погода стояла превосходная, и все бы было хорошо, еслибы не масса москитовъ, днемъ и ночью недававшихъ намъ покою; еще по ночамъ мы спасались на половину въ пологахъ, но днемъ рѣшительно ничего нельзя было дѣлать. Эти крошечныя мошки (*Pepsis*) оставляютъ по укусенію маленькая красныя, подкожныя пятнышки; пока ихъ не раздерешь и не дашь выдти крови, зудъ не перестаетъ. Непривычный рѣшительно обдираетъ себѣ всю кожу!

* * *

Послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей Василій Васильевич бросиль начатые этюды рѣки съ ея живописными берегами; мы живо собрали нашъ скарбъ и поднялись къ монастырю Ратламъ, вблизи которого и поставили палатку. Кули, по обыкновенію, въ нѣсколько минутъ выстроили себѣ балаганъ изъ древесныхъ вѣтвей.

Монастырь великъ и довольно красивъ, въ немъ двѣ церкви—вверху и внизу. Въ верхней множеству бумагъ и рукописей, къ немалому благополучію монастырскихъ крысъ, разгуливавшихъ, не стѣсняясь, между этою ученоностью; висѣло кое-какое холодное оружіе и древнійшія ружья, опасные развѣ тому, кто вздумаль бы стрѣлять изъ нихъ. Молитvenные машины, при нижнемъ храмѣ,—необыкновенной величины. На валкѣ навернуты, на полъ-аршинатолщины, сотни тысячъ молитвъ, обернутыхъ по-верху бараньемъ кожею, расписанно яркими крас-

ками. Приходящіе вертятъ эти машины, пока хватить желанія и терпѣнія, и въ то же время на различные тоны выпѣваютъ свою священную формулу: „Om mani padmi hum“.

Мы застали здѣсь преоригинально одѣтаго бродагу-монаха, съ пѣніемъ обходившаго множество разъ кругомъ монастыря. Онъ не далъ себѣ нарисовать и тотчасъ же скрылся. Мужъ мой рисовалъ кое-что въ монастырѣ, что задержало насть на нѣсколько дній.

Передъ уходомъ разразилась страшнѣйшая гроза; едва не унесло нашу палатку. Запасшись провизію, мы пошли отсюда прямо въ Томлонгъ, гдѣ король уже ждалъ насть, какъ намъ говорили.

* * *

На наше несчастіе мы взяли кратчайшую дорогу и очень дурную. Я почти все время шла пѣшкомъ, а Василій Васильевичъ настойчиво продолжалъ ходить на своемъ пони, не смотря на то, что нѣсколько разъ упадалъ на камни съ лошадью. Удивительно, какъ счастливо обошлось, что онъ не разбилъ себѣ голову и не скатился съ крутизны. Одинъ изъ нашихъ носильщиковъ слетѣлъ внизъ съ ношю, и съ не малымъ трудомъ удалось вытащить его.

Мы встрѣтили здѣсь молодого ламу, совершенно сѣдого. Разгорившись съ нимъ, узнали, что это у него семейное: отецъ его посѣдѣлъ въ двадцать лѣтъ, а самъ онъ въ пятнадцать. Встрѣтился также лама изъ Пемончи, сначала смотрѣвшій букою, но послѣ двухъ

пріемовъ водки такъ разговорившійся, что насилу удалось отъ него отдѣлаться.

* * *

Много народа шло въ Томлонгъ съ солью, чаемъ и проч.

На ночлегъ этого дня мы познакомились съ однімъ человѣкомъ, управлявшимъ 64 домами. Онъ рассказалъ намъ, сколько и откуда податей получаетъ король Сиккима. Прежде всего отъ англійского правительства 1,000 фунтовъ стерлинговъ или 10,000 рублей приблизительно. Затѣмъ отъ каждого семейства изъ 5 человѣкъ деньгами 10 рушій и натурою: 2 короба масла, 5 коробовъ риса, 5 коробовъ мурвара съ 5 чека, 1 корову и 1 свинью. Тѣ, что занимаются ручными работами, приносятъ лучшія свои произведения. Кромѣ того, когда на лѣто король уходить далѣе въ горы въ Тибетъ,

Молодой лама.

каждое семейство обязано поставить въ Томлонгъ одного работника, для переноски вещей.

* * *

Мы пришли къ рѣкѣ Тиста, къ длинному бамбуко-вому мосту, самой первобытной постройки изъ бамбу-ковыхъ стволовъ, буквально прыгавшихъ подъ ногами. По такому подвижному мосту, надъ шумящею и пѣня-щуюся рѣкою, я не рѣшилась идти; мнѣ завязали глаза, и одинъ изъ кули перенесъ меня на спинѣ. Съ лоша-дями было очень трудно; ихъ загнали выше по рѣбѣ, гдѣ она не такъ бурна. Перекинули съ одного берега на другой веревку, которою и перетаскивали одну за другою лошадей, стараясь только поддерживать морды, какъ можно выше надъ водою. Бывшій при переправѣ Бугіа увѣрялъ, что коли не задобримъ прежде всего водя-ного, то добра не ждать, и мужъ мой, отломивши вѣтку дерева, бросилъ ее г-ну водяному,—должно быть, жертва была принята, такъ лошади переправились благо-получно.

Отсюда къ послѣднему передъ Томлонгомъ ноч-легу пришли поздно. Какой-то глупый прохожій увѣ-рилъ, что мѣсто для остановки очень близко, и, послу-шивши его, мы едва не заночевали на камняхъ. Сюда король выслалъ для нашего приема двухъ слугъ при-смотрѣть, не нуждаемся ли мы въ чемъ и на утро про-вести насть дальше. Отсюда хорошо видна уже сто-

лица Томлонгъ, деревушка въ дюжины двѣ домовъ. Кули, посланные по обыкновенію нарубить лѣсу для огня и бамбуковыхъ стволовъ для палатки, потребовали вдругъ денегъ, увѣряя, что есть строгій приказъ вблизи резиденціи короля не рубить ничего бесплатно. Игра ихъ была понятна, согласись мы съ этимъ теперь, пришлось бы во все время нашего пребыванія тутъ уплачивать за топливѣ. Василій Васильевичъ сейчасъ прогналъ зачинщика этой нелѣпости и остальные принялись исполнять всѣ приказанія по прежнему.

На слѣдующее утро явились два новые посланные отъ короля съ пожеланіями и съ подношеніемъ холодной, сладкой, очень вкусной, мурвы и апельсиновъ. (Кстати замѣчу здѣсь, что маленькие апельсины, извѣстные въ Европѣ подъ именемъ мандариновъ, въ Сиккимѣ очень дешевы и хороши). Посланные были немного лучше одѣты, чѣмъ прибывшіе наканунѣ. Они подъ уздцы перевели нашихъ лошадей черезъ ручей. Скоро приѣхалъ на-встрѣчу третій всадникъ, еще болѣе нарядный, — весь въ красномъ, и съ сергою въ одномъ ухѣ, до самаго плеча; онъ привелъ трехъ засѣдланныхъ, крытыхъ ковриками лошадей. Такъ какъ съ насы довольно было и нашихъ, то на приведенныхъ уѣхались они сами, и мы всѣ длинною процессіею двинулись въ гору, на которой раскинуть Томлонгъ. Немножко отдохнули, чтобы пропустить кули впередъ и пройти уже прямо въ нашу собственную палатку. Сопровождавшіе насы чиновники не остались безъ занятія во время нашего отдыха, они всѣ принялись за ловлю и умерщвле-

ние паразитовъ. Снова двинулись мы впередъ уже между множествомъ любопытныхъ, собравшихся поглядѣть на первую, въ этихъ мѣстахъ, европейскую женщину. Палатка наша была разставлена противъ шатра китайской формы, первого министра Шангзеда; у дверей этого шатра дожидался самъ министръ между нѣсколькими рядами солдатъ, имѣвшихъ на головахъ что-то въ родѣ корзинокъ. Пройдя сначала въ нашу палатку, мы представились затѣмъ Шангзеду. Это сводный братъ короля, на видъ ему отъ 50—60 лѣтъ, лицо и голова выбриты, кроме косы; одѣтъ онъ въ свѣтло-синій халатъ плотной китайской шелковой матеріи. Надобно знать, что во всѣхъ маленькихъ государствахъ буддистской религіи господствуютъ китайскія моды, такъ что Шангзедъ былъ польщенъ, когда мужъ мой сказалъ ему, что все окружающее напоминаетъ ему Китай и самъ онъ, какъ нельзя болѣе, похожъ на китайскаго мандарина. По его пріему видно было, что онъ умѣлъ хорошо держать себя. Онъ освѣдомился, не очень ли мы страдали отъ дурныхъ дорогъ.—„Нисколько, отвѣчали мы, не краснѣя, дороги у васъ не такъ дурны“... Мы узнали, что король желаетъ видѣть насъ и на слѣдующее утро назначена была аудіенція.

* * *

Дворецъ только немножко побольше прочихъ построекъ, со своимъ вызолоченнымъ шпицемъ онъ походитъ на храмъ. Съ самого ранняго утра стоялъ уже народъ

между нашою палаткою и дворцемъ, вѣроятно тутъ были не только Томлонгскіе жители, но и собравшіеся изъ окрестностей, чтобы поглазѣть на единственный случай представленія ихъ королю европейской дамы. Мы прошли подъ руку между шпалерами любопытныхъ и вступили во дворецъ черезъ ряды полулюжны солдатъ съ тѣми же коробками на головахъ, дававшими имъ видъ скорѣе пастуховъ, чѣмъ воиновъ; только длинные Сиккимскіе ножи на бедрахъ напоминали о томъ, что они не прочь при случаѣ пролить кровь враговъ своего отечества.

Передняя сторона комнаты, въ которую мы вошли, заставлена изображеніями боговъ, какъ бы продолженіемъ которыхъ былъ король, неподвижно сидѣвшій на возвышеніи, крытомъ желтою шелковою матеріею. Мы думаемъ, что эта комедія маленькаго трона была устроена специально для насъ и что подъ матеріею и подушками былъ пустой опрокинутый ящикъ. Впрочемъ, удостовѣриться въ этомъ было трудно. Король—малый лѣтъ 16—17, съ глуповатымъ выраженіемъ лица. Верхняя губа его разсѣчена, вѣроятно лошадью, почти до носа; типъ лица совсѣмъ монгольскій. Когда два года тому назадъ его бездѣтный братъ умеръ, то было предположеніе отстранить его отъ престолонаслѣдія. На нашъ поклонъ король не отвѣтилъ, можетъ быть этикетъ не дозволялъ этого, а можетъ быть, и это вѣрнѣе, парень немножко сконфузился. Мы сѣли. Передъ нами поставили на столъ мурваръ, крендели и сладкій картофель. Шангзедъ, со сложенными ладонями, какъ передъ божествомъ,

передавалъ вопросы короля (или, лучше сказать, за него дѣлалъ ихъ), также какъ и наши отвѣты; а Лоди, поря-
дочно сконфузившійся, бормоталъ переводы всѣхъ этихъ
изліяній. Послѣдовали, разумѣется, вопросы о здоровьѣ
англійской королевы? — Здорова! — Ея министры? —
Также здоровы! — О дорогѣ, и т. п. Когда со всѣми
этими важными предметами было кончено, Шангзедъ
далъ знать людямъ, стоявшимъ около дверей, и они про-
пали, а черезъ нѣсколько секундъ навалили къ нашимъ
ногамъ буквально цѣлую гору разныхъ подарковъ.

Василій Васильевичъ зналъ уже, что не обойдется
безъ обмѣна подарковъ, почему и распорядился пригото-
вить два сорта ихъ. Первый, изъ различныхъ бездѣлушекъ,
былъ назначень на случай, еслибы намъ сдѣлали ма-
лые, незначительные подарки. Второй, состоявшій изъ
новаго, недавно купленного въ Калькутѣ, ружья, дол-
женъ быть былъ бытьпущенъ въ ходъ лишь тогда, еслибы
намъ подарено было что-либо существенное. Когда, какъ
сказано, человѣкъ 15 положили передъ нашими ногами
королевскія подношенія, занявшия половину комнаты,
Шангзедъ сказалъ намъ: „не взыщите, мы народъ не
богатый... не можемъ дать болѣе“... Признаться, намъ
было совсѣмъ: тутъ была масса крѣпко увязанныхъ
тиюковъ, коробокъ, подносовъ и т. д. Мужъ мой отвѣ-
тилъ: „напротивъ, это слишкомъ много“, и приказалъ
Лоди принести второй подарокъ, т-е. первый №, ящикъ
съ ружьемъ.

Нашъ подарокъ понравился имъ необыкновенно; Василій
Васильевичъ показалъ имъ, какъ дѣлать па-

троны, какъ заряжать, и обѣщалъ прислать пороху. Тогда король, министръ и всѣ окружающіе просто пришли въ восторгъ и благодарили со сложенными ладонями. Когда мы пришли домой и развязали принесенные за нами подарки, то нашли апельсины, дрянныя рисъ и масло, нѣкоторые куски котораго были совсѣмъ позеленѣвшіе. Вотъ какъ наружность обманчива! Хотя мы получили еще нѣсколько барановъ, куръ и дрянную тибетскую лошаденку, все-таки ружье стоило несравненно дороже, чѣмъ эти прелести, вмѣстѣ взятыя, и его величество не потерялъ на обмѣнѣ.

* * *

Желая пробыть нѣкоторое время въ Томлонгѣ, мы перенесли нашу палатку немнога поодаль, на гору, гдѣ прежде сожигали мертвыхъ. Противъ насъ монастырь, резиденція Кунгень-ламы, старшаго въ Сиккимѣ и безсмертнаго, такъ какъ на подобіе Тибетскаго далай-ламы онъ возрождается немедленно же по смерти.

Изъ трехъ ламъ, основавшихъ Сиккимское королевство, одинъ остался въ Яксунѣ, въ монастырѣ Добди, другой въ Тассидингѣ и третій въ Чантачелингѣ. Тассидингскій лама постоянно возрождался и былъ послѣ главнымъ ламою въ Пеміончи. Въ послѣднее время, возродившись въ сынѣ короля, онъ съ дозвolenія тибетскихъ властей по-мѣстился около отца въ Томлонгѣ, гдѣ и выстроенъ былъ

для него особый монастырь. Кромъ того, далай-лама далъ этому ламѣ, королевскому сыну, дозволеніе жениться и онъ вступилъ послѣ отца своего на престолъ, соединивши въ своеемъ лицѣ свѣтскую и духовную власть. Свѣтская власть перешла къ умершему брату нынѣшняго короля, а духовная тотчасъ возродилась въ какомъ-то бѣдномъ семействѣ въ Купгенъ-ламѣ, жившемъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Зимою живетъ онъ здѣсь, а лѣтомъ, когда король уходитъ въ Тибетъ, перебирается въ Пемончи. Надобно сказать, что эта особы пользуется величайшимъ уваженіемъ. Никто, кромѣ старшихъ ламъ и его прислуги, не имѣеть чести его видѣть. Тѣ же, кото-рымъ выпадаетъ счастіе представляться ему, преклоняются передъ нимъ, какъ передъ божествомъ. Попадающіеся во время переѣздовъ бросаются на землю, чтобы какъ-нибудь ненарокомъ не встрѣтиться глазами съ та-кою святостью.

Василій Васильевичъ близко познакомился съ этимъ экземпляромъ, представлявшимъ божество на землѣ. Пока онъ писалъ этюды въ монастырѣ, Купгенъ-лама часто приходилъ къ нему поболтать. Это—юноша лѣтъ 19, съ сильно-черными, коротко остриженными во-лосами и порядочно тупымъ лицомъ; сидитъ онъ обыкновенно въ большомъ глубокомъ креслѣ, напоминающемъ папскій тронъ, говорить тихо, не возвышая голоса, и, когда ему нужно позвать слугу, хлопаетъ въ ладоши. Неразвитая и мало интересная личность. Онъ носить спереди вышитый мышокъ, напоминающій наши гусар-скіе, какъ знакъ обѣта цѣломудрія. Неизвѣстно, впроч-

чемъ, насколько строго онъ держить этотъ обѣтъ, таکъ какъ довѣренный слуга его просилъ по секрету у Василія Васильевича лекарства противъ кое-какой болѣзни, полученной, по словамъ слуги, отъ усиленной молитвы.

* * *

Къ намъ являлся всевозможный народъ съ разными болѣзнями. Напр., одинъ лама настойчиво просилъ лекарства отъ червей, грызшихъ его желудокъ; я дала ему мятыхъ капель и они помогли. Во всякомъ случаѣ наши невинные лекарства были не менѣе полезны, чѣмъ наговоры, молитвы, заклинанія и проч. медицина ихъ знахарей, преимущественно ламъ же. Многіе приходили съ жалобами на сильный зобъ. У одного старика болѣзнь эта дошла до того, что онъ съ трудомъ дышалъ и едва могъ говорить; жена его и еще другая женщина страдали тѣмъ же, и почти на столько же. Многіе Томлонгскіе жители приносили продавать различные одежды, уборы и украшенія. Ламы являлись часто ночью, чтобы выручить немножко денегъ за головной уборъ, употребляемый при церемоніяхъ, или за священную чашечку изъ корня дерева и т. п., что они не осмѣливались продавать при людяхъ. Между добытыми нами вещами были очень интересныя четки изъ человѣческаго черепа — цѣлый черепъ обыкновенно идетъ на одну нитку четокъ. Чашки, употребляемыя ламами, также выпилены изъ верхней черепной кости. Одинъ лама продалъ

талисманъ съ глинянымъ изображеніемъ Будды, благословленнымъ самимъ далай-ламою. Въ придачу онъ объяснилъ намъ, между прочимъ, что въ Непалѣ есть читень, поставленный одною матерью въ честь ея за что-то прославленного сына. Читень этотъ, которому Непальцы покланяются, до того святы, что нужно было привязать его щѣпами къ землѣ, чтобы онъ не улетѣлъ на небо.

* * *

Василій Васильевичъ хотѣлъ нарисовать яка, и король приказалъ привести одного изъ его стада, пасшагося невдалекѣ, на Тибетской границѣ. Его величество не утерпѣлъ, однако, чтобы не воспользоваться случаемъ и не попросить перочиннаго ножичка „въ родѣ того, что мы прежде прислали изъ Тассидинга“. Яки очень похожи на корову, только поменьше, съ черными длинными волосами, болѣе удлиненною мордою и пушистымъ хвостомъ. Это животное разсудительное и осторожное въ ходьбѣ по горнымъ тропинкамъ. Ему можно смѣло довѣриться тамъ, гдѣ лошадь, лошакъ и оселъ скользятъ и падаютъ. Въ восточныхъ Гималаяхъ, гдѣ снѣжная линія почти на 20,000 футахъ вышины, яки не живутъ ниже 11,000 футъ, а такъ какъ мы были въ Томлонгѣ только на 9,000 ф., то мужъ мой торопился поскорѣе написать приведенный экземпляръ, чтобы не дать ему заболѣть лихорадкою, ихъ обыкновенно болѣзнью на малыхъ высотахъ. Однако уже на слѣдующій

день якъ напѣ видимо заскучалъ, а подъ вечеръ началь стонать, всѣ отправленія его остановились,—было очевидно, что онъ въ лихорадкѣ и, воротившись, можетъ заразить все стадо; поэтому, когда рисование кончилось, кули убили животное и сѣѣли его.

* * *

У чиновниковъ королевскихъ длинныя, предлинныя серги, большою частью въ одномъ ухѣ. У Тибетскихъ на головѣ мягкая плоская широкая шапка, на поясѣ ножикъ съ костяными палочками для ёды, никогда впрочемъ не употребляемыми, такъ какъ пищу рвутъ и кладутъ въ ротъ руками; при поясѣ же висятъ кремень съ огнивомъ и кошелекъ съ табакомъ. Объ Тибетѣ всѣ говорятъ не только съ благоговѣніемъ, но и восторженно, какъ о земномъ раѣ, а между тѣмъ известно, что это бѣдная и крайне суровая страна.

Одинъ изъ чиновниковъ Шангзеда часто приходилъ къ намъ продавать различные вещи, вѣроятно подосланные Шангзедомъ, который самъ стыдился торговаться. Обыкновенно онъ запрашивалъ за все непомѣрные цѣны и, кромѣ того, вынрашивалъ то, что попадалось подъ руку. Мы имѣли удовольствіе распознать нашу маленькую бутылочку, изъ-подъ трюфелей, въ роли табакерки; пустыя винные бутылки улетучивались безслѣдно, а за жестянные, оклеенные нарядными цвет-

ными бумажками ящики, изъ-подъ сухарей, ссорились передъ нашими глазами весьма почтенные люди.

* * *

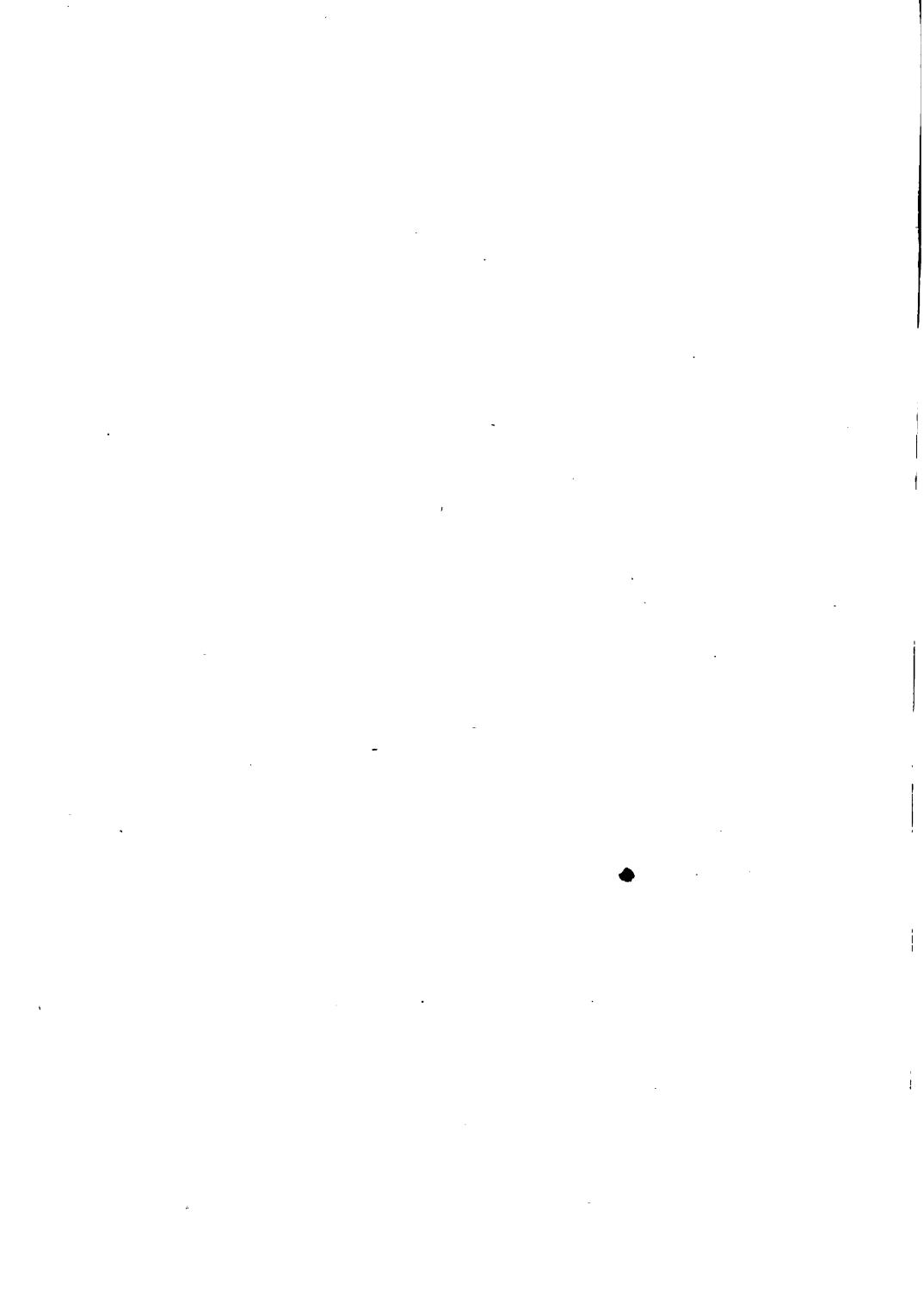
Почти за все время нашего пребыванія въ Томлонгѣ шелъ дождикъ. Въ высшей степени интересенъ былъ видъ горъ въ непогоду. Поразительнейшія картины смѣняли одна другую. Совершенно синія горы мѣшиались съ блѣдыми облаками, разрѣзались молніею, перетягивались радугою, застилались какъ-бы кисеєю дождя, черезъ которую снова прорѣзалось солнце, да такъ сильно, такъ эффектно! Это были удивительные декорациі.

* * *

Скоро мы были богаты этюдами, замѣтками, а также цѣлою этнографическою коллекціею. Кстати, прибавился еще портретъ одного Тибетскаго чиновника, пришедшаго попросить пороху; мужъ мой далъ ему пороху, но за то сейчасъ же написалъ его широкую физіономію съ плоскимъ носомъ и длинными серьгами. Передъ отѣзломъ Василій Васильевичъ послалъ Кунгень-ламѣ въ подарокъ довольно большое зеркало. Святой мужъ ожидалъ, вѣроятно, болѣшаго, такъ какъ наивно спросилъ нашего посланнаго: все ли тутъ или еще что нибудь будетъ? Мы простились и съ Шангзедомъ, который какъ ребенокъ дожидался, какой будетъ ему подарокъ; даны были ему серебряные часы и карманный револьверъ, которые

Видъ Гималайевъ изъ Дарджилинга.
Съ фотографіи.

онъ вертѣль и повертывалъ на всѣ лады. Что касается прежде подаренного ружья, то они восхищались имъ больше платонически, по крайней мѣрѣ до нашего отѣзда нашелся только одинъ смѣльчакъ, стрѣлявшій изъ него послѣ моего мужа.

* * *

Выѣхавши изъ Томлонга, мы остановились на томъ же мѣстѣ, гдѣ ночевали передъ приходомъ туда. На пути оттуда догналъ насъ гонецъ Шангзеда съ ужасною вѣстью... господинъ его потерялъ ключикъ отъ часовъ и прислалъ самые часы съ просьбою пустить ихъ въ ходъ, если можно. Василій Васильевичъ велѣлъ ему сказать, что посыпаетъ ключъ отъ своихъ собственныхъ часовъ, чтобы доказать полное къ нему уваженіе...

Въ дорогѣ имѣли мы затрудненія съ деньгами, такъ какъ туземцы неохотно принимали новое серебро—старое по ихъ словамъ тяжеловѣснѣе, въ чемъ, впрочемъ, они и не ошибаются. Дичины здѣсь по дорогѣ уже положительно мало, такъ что все мясо приходилось покупать. Дикия курочки попадаются здѣсь еще рѣже; онъ очень похожи первому и вкусомъ на домашнихъ курь, только кожа у нихъ черная. Дикие фазаны,—птички, очень небольшія, съ зелеными перьями, схожія съ попугаемъ,—тоже рѣдки.

Безъ особыхъ приключеній перешли мы снова мостъ черезъ Тисту, съ тою только разницею, что теперь не въ мѣру хлопоталь около насъ чиновникъ королевскій, имѣвшій, разумѣется, главнымъ обра-

зомъ въ виду получить за свои хлопоты хорошую получку на водку. Дожди перестали, и мы тихо, спокойно продолжали наше путешествіе въ Дарджилингъ. Отъ рѣки поднялись сразу до 8,000 ф. и опять потомъ спустились. На встрѣтившуюся тутъ, по самой срединѣ дороги, гробницу каждый изъ нашихъ кули счелъ обязанностью бросить по камню и затѣмъ обойдти ее непремѣнно съ лѣвой стороны, какъ, впрочемъ, и около читеней и всѣхъ святостей. Избави богъ пройти съ правой стороны! Въ слѣдующей деревнѣ мы получили съ нашимъ почтовымъ кули письма и газеты изъ Дарджилинга, куда и мы вскорѣ надѣялись добраться.

Послѣ трехъ-мѣсячнаго странствованія по снѣгу, камнямъ и грязи, послѣ холода, иногда голода и почти постоянныхъ дождей, пріятно было думать, что черезъ нѣсколько времени попадешь подъ крышу и отдохнешь тамъ. Однако, хоть дорога была и пріятна, но жары начали давать себя чувствовать. Множество личей, сортъ піявокъ, выползавшихъ изъ земли, были истиннымъ наказаніемъ для босоногихъ кули. Меня не укусила ни одна. Василью Васильевичу присосалась одна къ ступнѣ. У лошадей нашихъ ноги были совсѣмъ въ крови, также и кули поминутно вытаскивали изъ кожи непрошенныхъ гостей. Лѣтомъ, когда здѣсь очень жарко и льють почти безостановочно дожди, очень трудно путешествовать изъ-за этихъ піявокъ, присасывающихся тогда всюду и въ невѣроятномъ количествѣ.

Мы спустились до деревни Немпчи со старымъ монастыремъ, гдѣ строится еще новый. У постройки, на высокомъ шестѣ, ящичекъ съ водою и рисомъ, тутъ же

хвостъ яка и сабля — все это приношения богу для испрошения счастливаго, мирнаго и безкровнаго окончания постройки. Оттуда небольшой переходъ до рѣки Рангитѣ, мостъ черезъ которую переброшены еще своеобразнѣе, чѣмъ черезъ Тисту. Такъ какъ здѣсь есть и паромъ, то мы предпочли переправиться на немъ. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ рѣка эта принадлежала еще Сиккимскому королевству, т.-е. независимому Сиккуму, но была отобрана и присоединена къ Англійскимъ владѣніямъ въ наказаніе за плѣненіе Гукера. На другой сторонѣ грязное поселеніе изъ нѣсколькихъ Непальскихъ семействъ. Отсюда прошли мы прямо въ Дарджилингъ черезъ множество чайныхъ плантаций, по которымъ цѣлые Непальскія семейства занимались собираемъ чая въ коробки, перекинутыя за спины. Непальскія женщины, довольно миловидныя, напоминаютъ японокъ. Они носятъ большія серьги и очень большія кольца въ носу, что немного безобразитъ ихъ.

* * *

По знакомой дорогѣ добрались мы до знакомой гостиницы Дойля, гдѣ денекъ-другой отдыхнули. Съ кули расплатились и дали имъ на всѣхъ 100 рупій на водку, за то, что они чуть-чуть не похоронили насъ въ снѣгахъ Канчинги. Знакомые наши, маори Джаджъ и другие, не вѣрили, что мы дѣйствительно были въ Джонгри и что мы прожили тамъ 4 дня. Мы послали вещи тяжелою почтою и, распростиившись съ любезно принявшими насъ англичанами, спустились въ долину. Сначала почтою,

потомъ пароходомъ по Гангу и наконецъ желѣзною до-
рогою доѣхали мы до Дели. Въ Алахабадѣ намъ попался
нечаянно № Pioneer'a съ корреспонденцію изъ Дарджи-
линга, гдѣ, вмѣстѣ съ любезностями насчетъ таланта и
энергіи моего мужа, высказывалась увѣренность, что онъ
„не даромъ рисовалъ горы, ручьи и горные про-
ходы!..“ Такъ кончилась наша поѣздка въ восточные
Гималайи. Въ слѣдующей части мы разскажемъ нашу
экскурсію въ западную часть хребта — въ Ладакъ, и
къ соленымъ озерамъ западнаго Тибета.

Шангзедъ.